МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

по дисциплине «История отечественной журналистики»

для направления подготовки 42.03.02 Журналистика

Содержат:

1) методические рекомендации по подготовке доклада (сообщения) на семинарском занятии;
2) методические рекомендации по написанию эссе;
3) методические рекомендации по подготовке к круглому столу, дискуссии, полемике, диспуту, дебатам;
4) методические рекомендации к самостоятельной работе обучающихся;
5) ридер для подготовки к практическим занятиям в 5 семестре.

Методические рекомендации по подготовке доклада (сообщения) на практическом занятии

Доклад, сообщение – это устный текст, представляющий собой публичное развернутое, глубокое изложение определенной темы; продукт самостоятельной работы студента, представляющий собой публичное выступление по представлению полученных результатов решения определенной учебно-практической, учебно-исследовательской или научной темы.

Обычно в качестве тем для докладов преподавателем предлагается тот материал учебного курса, который не освещается на учебных занятиях, а выносится на самостоятельное изучение учащимися. Поэтому доклады, сделанные на семинарских занятиях, с одной стороны, позволяют дополнить лекционный материал, а с другой – дают преподавателю возможность оценить умения учащихся самостоятельно работать с учебным и научным материалом.

Подготовка доклада требует от студента большой самостоятельности и серьезной интеллектуальной работы.

Строение доклада, как и любой другой научной работы, традиционно имеет три части: вступление, основную часть и заключение.

Во вступлении указывается тема доклада, устанавливается логическая связь ее с другими темами или место рассматриваемой проблемы среди других проблем, дается краткий обзор источников, на материале которых раскрывается тема, и т. п.

Основная часть также должна иметь четкое логическое построение. Изложение материала должно быть связным, последовательным, доказательным, лишенным ненужных отступлений и повторений.

В заключении обычно подводятся итоги, формулируются выводы, подчеркивается значение рассмотренной проблемы и т. п.

Доклад должен сопровождаться иллюстративным материалом (печатные раздаточные материалы или мультимедийная презентация, сделанная в программе Microsoft Power Point (или аналогичной)). Рекомендуемое количество слайдов составляет 8–12. Продолжительность выступления, в зависимости от тематики, может составлять 5–12 минут.

Первый слайд презентации должен включать название доклада и Ф.И.О. его автора (ов). Последний слайд в обязательном порядке содержит список использованных источников и литературы.

Доклад на семинаре является одним из видов самостоятельной работы студента. Это означает, что текст выступления составляется непосредственно обучающимся на основе изученных источников и литературы по теме. Дословно

вставлять в него фрагменты текста, взятого из прочитанных книг или из Интернета, недопустимо. Разрешены лишь короткие цитаты из источников или литературы (с обязательным указанием автора процитированного текста).

Методические рекомендации по написанию эссе

Эссе – это самостоятельная письменная работа на тему, предложенную преподавателем (тема может быть предложена и студентом, но обязательно должна быть согласована с преподавателем). Цель эссе состоит в развитии навыков самостоятельного творческого мышления и письменного изложения собственных мыслей.

Эссе позволяет автору научиться четко и грамотно формулировать мысли, структурировать информацию, использовать основные категории анализа, выделять причинно-следственные связи, аргументировать свои выводы; овладеть научным стилем речи.

Эссе должно содержать: четкое изложение сути поставленной проблемы, включать самостоятельно проведенный анализ этой проблемы с использованием концепций и аналитического инструментария, рассматриваемого в рамках дисциплины, выводы, обобщающие авторскую позицию по поставленной проблеме.

Структура эссе:

1) тема эссе, автор текста;

2) введение – суть и обоснование выбора данной темы, состоит из ряда компонентов, связанных логически и стилистически. На этом этапе очень важно правильно сформулировать вопрос, на который вы собираетесь найти ответ в ходе своего исследования. При работе над введением могут помочь ответы на следующие вопросы: «Надо ли давать определения терминам, прозвучавшим в теме эссе?», «Почему тема, которую я раскрываю, является важной в настоящий момент?», «Какие понятия будут вовлечены в мои рассуждения по теме?», «Могу ли я разделить тему на несколько более мелких подтем?»;

3) основная часть – теоретические основы выбранной проблемы и изложение основного вопроса. Данная часть предполагает развитие аргументации и анализа, а также обоснование их, исходя из имеющихся данных, других аргументов и позиций по этому вопросу. В этом заключается основное содержание эссе и это представляет собой главную трудность. Поэтому важное значение имеют подзаголовки, на основе которых осуществляется структурирование аргументации; именно здесь необходимо обосновать (логически, используя данные или строгие рассуждения) предлагаемую аргументацию/анализ. Там, где это необходимо, в качестве аналитического инструмента можно использовать графики, диаграммы и таблицы. Уместны примеры из актуального профессионального поля журналистики и цитаты практикующих специалистов;

4) заключение – обобщения и аргументированные выводы по теме; подытоживает эссе или еще раз вносит пояснения, подкрепляет смысл, и значение изложенного в основной части. Методы, рекомендуемые для составления заключения: повторение, иллюстрация, цитата, впечатляющее утверждение.

Методические рекомендации по подготовке к круглому столу, дискуссии, полемике, диспуту, дебатам

Круглый стол, полемика, диспут, дебаты — оценочные средства, позволяющие включить обучающихся в процесс обсуждения спорного вопроса, проблемы и оценить их умение аргументировать собственную точку зрения.

Целью проведения данной активной формы практического занятия является вовлечение всей группы к обсуждению и обобщению идей и мнений относительно сформулированных вопросов и проблем. Все участники круглого стола равноправны,

выступают в роли пропонентов, т. е. выражают мнение по поводу обсуждаемого вопроса, а не по поводу мнений других участников.

Данная модель проведения практического занятия способствует лучшему усвоению изучаемого материала и играет скорее информационно-организационную роль. У бакалавров закрепляет владение навыком анализа и сравнения, аргументации собственной точки зрения. Для подготовки к круглому столу, необходимо ознакомиться с темой, с вопросами, выносимыми для обсуждения, а также с литературой, необходимой для подготовки по этим вопросам.

Первый вариант проведения круглого стола: участники выступают с докладами, затем проводится их обсуждение. При этом ведущий, которым выступает преподаватель, принимает в заседании относительно скромное участие — распределяет время выступлений, предоставляет слово участникам обсуждения.

Второй вариант — ведущий интервьюирует участников круглого стола или выдвигает тезисы для обсуждения. В этом случае он следит за тем, чтобы высказались все участники, «держит» ход обсуждения в русле главной проблемы, ради которой организована встреча за круглым столом. Такой способ проведения круглого стола вызывает больший интерес у аудитории. Но он требует от ведущего большего мастерства и глубокого знания нюансов обсуждаемой проблемы.

При подготовке к круглому столу следует помнить, что вы должны выступить настоящим экспертом темы, которой посвящены ваши тезисы, а само выступление (реплики) быть не только содержательными, но и небанальными, чтобы сообщить нечто новое остальным участникам.

Методические рекомендации к самостоятельной работе обучающихся

Самостоятельная работа студентов призвана закрепить теоретические знания и практические навыки, полученные студентами на лекциях, практических занятиях.

Самостоятельная работа студентов проводится с целью:

– систематизации и закрепления полученных теоретических знаний и практических умений студентов;

– углубления и расширения теоретических знаний;

– формирования умений использовать справочную документацию и специальную литературу;

– развития познавательных способностей и активности студентов: творческой инициативы, самостоятельности, ответственности и организованности;

– формированию самостоятельности мышления, способностей к саморазвитию, самосовершенствованию и само реализации;

– развития исследовательских умений.

Эффективность лекционных, семинарских и практических занятий по дисциплине во многом зависит от качества самостоятельной работы студентов, от их самоподготовки. Часть времени, отведенного на самостоятельную работу должна использоваться на подготовку к аудиторным занятиям, другая часть на выполнение домашней работы, осмысление и оформление результатов практических занятий.

Подготовка к лекции студентами заключается в следующем:

- повторить материал предыдущей лекции, прочитав его повторно;
- ознакомиться с темой предстоящей лекции (в рабочей программе учебной дисциплины);
- ознакомиться с учебными материалами по данной теме в соответствии с предложенным списком литературы в рабочей программе или с электронными материалами, предложенными лектором;
- записать возможные вопросы, которые можно будет задать лектору.

***Подготовка к практическим занятиям**:*

- внимательно прочитать материал лекций, относящихся к данному занятию, ознакомиться с учебными материалами, включая электронные в соответствии с предложенным списком литературы в рабочей программе учебной дисциплины;
- подготовить развернутые ответы на вопросы, предложенные в рабочей программе дисциплины для обсуждения;
- выполнить задания, если они предусмотрены в письменной форме;
- понять, что для вас осталось неясными и постараться получить на них ответ заранее.

Подготовка к зачету/экзамену

К зачету/экзамену необходимо готовится целенаправленно, регулярно, систематически с первых дней обучения по данной дисциплине. В самом начале учебного курса познакомьтесь со следующей учебно-методической документацией:

- программой дисциплины;
- перечнем знаний и умений, которыми студент должен владеть;
- тематическими планами занятий;
- учебником, учебными пособиями по дисциплине, а также электронными ресурсами;
- вопросами и заданиями к самостоятельной работе студентов;
- перечнем вопросов к зачету.

Ридер

Ридер – тематическая подборка текстов исторических источников и работ исследователей-гуманитариев, а также система вопросов и заданий к ним. Постановка проблемных заданий к текстам источников и их историографическим интерпретациям способствовует формированию целого ряда профессионально значимых умений и навыков: компаративистского анализа разножанровых исторических источников; рефлексии по поводу их информационного потенциала; поиску контекстов их создания; работы с историографическими версиями интерпретации изучаемых сюжетов; созданию самостоятельного варианта осмысления идейных исканий русских интеллектуалов.

Материалы ридера включают в себя мнения историков и современников по изучаемой теме. Одним из основных критериев отбора текстов является их разноречивость, дискуссионность, содержательный потенциал, дающий возможность для формирования профессиональных навыков студентов-гуманитариев.

Схема работы с ридером:

1. Актуализация темы занятия, обозначение проблемных полей, определение целеполагания.
2. Постановка учебных задач, характеристика этапов и ожидаемых результатов.
3. Обсуждение студенческих версий, рефлексия по поводу эффективности предложенных заданий.
4. Объяснение домашнего задания (исследовательских эссе, текстов-имитаций, таблиц с анализом текстов).
5. Обсуждение студенческих работ с целью дальнейшей проблематизации темы ридера.

Самостоятельная работа с ридером предусматривает последовательное выполнение заданий, предлагаемых к материалам лекционных занятий. «Тематический каркас»

изучаемого курса очевиден из содержания программы, вопросов к лекциям, семинарам и зачету.

Структура ридера включает в себя:

– тексты разноплановых источников, авторы которых по-разному воспринимали и оценивали изучаемые идеи, события, акторов исторического процесса;

– фрагменты работ историков, филологов, культурологов, социологов, содержащие дискуссионные утверждения по поводу изучаемых сюжетов;

– вопросы и задания по теме.

Исторический контекст развития русской периодической печати второй половины XIX века

Позиция историков

Н. Я. Эйдельман, советский историк[1]*:* «“Лед тронулся” только после смены монарха 18 февраля 1855 г. <…> Началась “эра реформ”, которая продлилась десять-пятнадцать лет до белого террора, последовавшего за выстрелом Каракозова в 1866 г.».

В. Я. Гросул, современный российский историк[2]*:* «Общественный подъем, начавшись в середине 50-х годов XIX в., проявлял себя в различных формах. Одной из них было заметное возрастание общественного мнения, формировавшегося и в самом обществе, и в некоторых структурах, близких к императору. Последние старались направить его на осознание необходимости значительных преобразований. Но, кроме общественного мнения, отнюдь не отличавшегося единством, даже наоборот, отражавшего борьбу различных начал, порожденную борьбой интересов, примечателен поворот к осознанию роли общественного мнения как такового… Еще в ноябре 1855 г. по случаю 50-летия сценической деятельности М. С. Щепкина, гордости русского театра, в Москве состоялся банкет, собравший до 300 человек, прежде всего представителей московской интеллигенции. И вот на этом банкете, проходившем еще до завершения Крымской войны и заключения мирного договора, К. С. Аксаков встал и произнес тост “в честь общественного мнения”… Требование гласности овладело довольно широкими кругами общества. П. А. Вяземский, который к 50-м годам уже был консерватором, став в августе 1855 г. товарищем министра народного просвещения, вспомнил молодые годы и начал выступать за гласность и свободу печати. В “Голосах из России” А. И. Герцена требование гласности выходит чуть ли не на первое место. К. Кавелин и Б. Чичерин, авторы “Письма к издателю”, рассматривали гласность как чуть ли ни единственное средство против явного зла. В этом же сборнике Н. А. Мельгунов проводит мысль о том, что только одна гласность способна оградить от беззаконий правосудия, избавить от лести, лжи, лицемерия, поднять и облагородить людей».

Т. А. Филиппова, современный российский историк[3]*:* «1855 г. открыл новый период русской истории. Не только смерть Николая I и восшествие на престол сына его Александра II, и даже не отставка наиболее одиозных консервативных сановников обозначили этот рубеж. Разрушительное для экономики и оскорбительное для национального достоинства поражение в Крымской войне привносит дух

---

[1]*Эйдельман Н. Я.* Революция сверху в России. М., 1989. С. 34.

[2]*Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX вв.: традиции и новации. М., 2003. С. 308.

[3] Политическая история России: учеб. пособие / отв. ред. В. В. Журавлёв. М., 1998. С. 179.

оппозиционности даже в ближайшее окружение императора. Идейная жизнь общества спонтанно обретает совершенно новое качество. Словно сами собой раздвигаются границы гласности. Стихийный консенсус между правительством и обществом достигается на базе общих представлений о необходимости реформ. Втайне друг от друга, но практически параллельно правительственные круги и либеральная общественность разрабатывают проекты будущих преобразований».

Р. С. Уортман, современный американский историк[4]*:* «Манифест Александра II о подписании Парижского мира, написанный графом Блудовым, возвестил резкую перемену в умонастроениях российского монарха. Прежние публичные заявления императоров связывали народное благоденствие с усилением, усовершенствованием и ростом административного аппарата. Опираясь на утвердившуюся в XVIII в. концепцию полицейского государства, они изображали правительственную опеку источником рационального устройства и честности, а ее расширение – самым надежным способом повысить моральный, культурный и экономический уровень населения. Провал Крымской кампании, скандальные злоупотребления, получившие... огласку, вынесли приговор этой концепции, слишком архаичной для середины XIX в. Крымское поражение показало самому императору границы авторитарного надзора и побудило его дать больше простора самодеятельной энергии населения. Манифест Александра выражал надежду на созидательное раскрепощение сил, без напоминания об устрашающем вмешательстве государства».

Мнения современников

А. М. Скабичевский, литературный критик[5]*:* «Престиж царя еще более возрос в моих глазах, когда в ночь на 13 ноября 1854 г., возвращаясь домой с родными из театра, я обратил внимание на высокую фигуру, медленно двигавшуюся по Дворцовой набережной в полном одиночестве. Лодочник, перевозивший нас через Неву, сообщил нам, что это – царь, что каждую ночь он по целым часам ходит взад и вперед один по набережной.

Мне сейчас же представилась величественная картина, как во тьме ночной мирно спит вся Россия, спят города и села, дворцы и хижины, – и один лишь царь бдит и заботливо решает судьбы своего народа, медленно шествует вдоль невских берегов…

Понятно, что когда 16 февраля 1855 г. дошла до меня весть о смерти Николая, я был убежден, что Россия погибла».

Ф. И. Тютчев, знаменитый поэт[6]*:*

«Н[иколаю] П[авловичу]
Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей».

М. П. Погодин, историк, общественный деятель[7]*:* «Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте самодержавного русского престола! Вот слово, которое

---

[4]*Уортман Р. С.* Властители и судьи: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 414–415.

[5]*Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М., 2001. С. 49.

[6]*Тютчев Ф. И.* Соч. М., 1980. Т. 1. С. 144.

[7] Цит. по: Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994. С. 70–71.

соберет под знамя русского царя всю усталую и расстроенную Европу… Слова господствуют над нашим временем, и во главе этих могущественных, очаровательных слов звучит вожделенное – свобода! На Западе оно износилось, обветшало, опошлело, осквернилось богохульными устами кровожадного разврата и остервенившегося голода. Везде оно потеряло свой смысл: в Германии стало отвлеченностью, во Франции шуткою, в Англии юродством. У нас доселе неслышное и только теперь провозглашенное торжественно неограниченною властью, найдет оно отголосок во всей Европе, возбуждая сочувствие, и взыграет надежда радостями во всяком благородном сердце! <…>

Как бы желал я растолковать нашим государственным людям, что эта свобода не уменьшит нисколько силы правительства, а только увеличит, укрепит и утвердит ее; зато она не может причинить никакого вреда, а доставит многообразную пользу; не подвергнет нас никаким новым опасностям, а отвратит многие старые. <…>

Дайте полякам конституцию, то есть позвольте им сочинить себе конституцию, которую они уже имели и которую, верно, будут сочинять несколько лет. <…>

Простите наших политических преступников, которые, верно, возвратятся тихими агнцами и провозвестниками порядка и спокойствия.

Объявите твердое намерение освободить постепенно крестьян, определяя ежегодно известную сумму из государственных доходов для выкупа их по жребию или в награду за хорошее поведение, по верным свидетельствам мира, которое успокоит крестьян надолго, возбудит деятельность, даст силы для терпения, утешит поднятые без толку толки, а исполниться оно может в неопределенное время, без малейшего ущерба дворянству, по полюбовным соглашениям.

Дайте право приобретать землю кому угодно, с обязанными крестьянами, что вдруг освободит их множество.

Облегчите цензуру под заглавием любезной для Европы свободы книгопечатания, которая без всякого ущерба власти обогатит вас нужными сведениями, наделит разнообразными советами, доставит полезные предлоги для будущих внешних отношений и приведет в движение русский ум, упавший почти до точки замерзания. Вот вам содержание всемилостивейшего манифеста, еще небывалого в летописях русской истории, который одушевит Россию и выиграет генеральное сражение в Европе, не обнажив шпаги, одним почерком пера».

В. П. Мещерский, князь, консервативный публицист[8]*:* «Скажу, прислушиваясь к своим воспоминаниям всей последующей эпохи, что 1855 г. был самым светлым годом царствования Александра II. Небо над ним было совсем ясное. В марте заключен и подписан князем А. Ф. Орловым Парижский договор, и хотя условия этого договора были для нас и тяжелые, и позорные, но настроение всего общества, отчасти вследствие отдыха от ужасов войны, отчасти от влияний того неопределенного нового, о которых я говорил, отчасти от ожидавшейся в августе великолепной коронации и отчасти, наконец, от всего симпатичного, что в виде всевозможных слухов и откликов исходило из Зимнего дворца как подробности о новом государе, – настроение общества, говорю я, было именно похоже на голубое, совсем ясное, весеннее небо. Веяло чем-то радостным, чем-то благодушным, искренним, будто исчезли куда-то плачущие и печально озабоченные люди; везде их места заняли веселые и наслаждающиеся жизнью… К концу 1856 г., когда успокоились все волнения коронации, небо стало хмуриться и воздух стал грязниться…

---

[8]*Мещерский В. П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 44–47.

Это было начало, зародыш той эпохи, – увы! – долголетней и смутной, которая столько горя принесла России наравне со столькими благими намерениями».

Е. Н. Водовозова, писательница[9]*:* «Шестидесятые годы можно назвать весною нашей жизни, эпохою расцвета духовных сил и общественных идеалов, временем горячих стремлений к свету и к новой, неизведанной еще общественной деятельности… Такое небывалое до тех пор стремление общества к нравственному и умственному обновлению имело громадное влияние на изменение всего миросозерцания русских людей, а вместе с тем и на многие явления жизни, на отношение одного класса общества к другому… <…>

Очень многие осуждали молодежь шестидесятых годов за то, что она выражалась искусственно, в приподнятом и высокопарном тоне, уснащала свою речь прописными истинами. И действительно, этим грешили очень многие. Но ведь шестидесятые годы были необычайною эпохою. И все в ней было необыкновенно: кажется, даже температура крови людей того времени была повышена; вся их жизнь шла ускоренным темпом. Но эти недостатки не помешали весьма и весьма многим, нередко даже тем, которые выражались особенно фразисто, проникнуться до глубины души идеалами и принципами той эпохи. Весьма многие из шестидесятников так усердно работали над своим самообразованием в молодости, что, заняв впоследствии места в учреждениях по крестьянским делам, в гласном суде, в земстве, оказались чрезвычайно полезными деятелями. Из той же молодежи, сильно грешившей в годы юности высокопарным выражением мыслей, вышли люди, отдавшие на служение идеалам шестидесятых годов всю свою жизнь, во имя их приносившие великие жертвы… <…>

Необыкновенное оживление общества в начале шестидесятых годов было совершенно новым явлением. Люди того времени много работали с целью самообразования, с величайшим увлечением учили других, но в то же время и веселились напропалую. Никогда не встречала я позже такого разудалого веселья, не слыхала такого звонкого смеха! И это было весьма естественно: вслед за падением крепостного права продолжались и дальнейшие преобразования, вселявшие надежды на лучшее будущее. Всё, казалось, ясно говорило о том, что и у нас наступила, наконец, совершенно новая, не изведанная еще нами гражданская и общественная жизнь, когда каждый, искренно того желающий, может отдать с пользою свои силы на служение родине. Что же удивительного, что в эту кратковременную эпоху нашего умственного и нравственного расцвета надежды и упования на лучшее будущее быстро перешли в уверенность, что распространение гуманных и демократических идей, как могучий поток, без остатка смоет всю грязь нашей жизни, что это сулит всем, задавленным трудом, униженным и оскорбленным, великое счастье, что эта эра наступит скоро, очень скоро…».

Н. К. Михайловский, социолог, литературный критик[10]*:* «Оглядываясь теперь на это странное время, можно удивляться той необузданности надежд, тому розовому доверию к будущему, которыми мы тогда были преисполнены. Казалось, историческая дорога лежит перед нами такою ровною, гладкою скатертью, что только посвистывай, да вожжами потрагивай… Всё весельем и надеждой дышало… Солнце встало. Потом солнце село. Совы и филины замахали крыльями и затянули свою мрачную, похоронную песню».

---

[9] *Водовозова Е. Н.* На заре жизни: мемуарные очерки и портреты. М., 1987. С. 25–35.

[10] Цит. по*: Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70 – начала 80-х гг. XIX в. М., 1979. С. 38.

Д. В. Аверкиев, писатель[11]*:* «Веяние свободы почувствовалось всеми, и каждый спешил выразить свое учение, провести в жизнь свои убеждения, снаряжался на борьбу ради торжества своей мысли или доктрины. Общество, вначале дружное, восторженное при первом свободном вздохе, вскоре расчленилось и распалось. Явились вавилонское смешение мыслей; неустойчивость и шаткость умов; отсутствие мужества; люди, в душе не разделявшие модных "идей", даже их ненавидевшие, спешили выражать им сочувствие из боязни показаться отсталыми, из страха быть освистанными или обруганными… Русские сановники сумели сочетать верноподданническую присягу с конституционными тенденциями и даже с социалистическими увлечениями. Отправляясь в государственные заседания, они по дороге заезжали к передовым деятелям набраться прогрессивного духа. Люди во власти стали стыдиться ее проявления, сомневаться в ее необходимости и законности. Верных и нелицемерных, и притом мужественных, было немного, и какую борьбу, порой тяжкое унижение приходилось им испытывать!»

Р. И. Сементковский, публицист[12]*:* «Это было время нарождавшейся надежды на полное обновление русской жизни. Надежда эта в равной мере охватила все слои русского общества, всю интеллигенцию и всех передовых общественных деятелей. Разлада сколько-нибудь значительного тогда еще не намечалось. Все чувствовали, все сознавали, что кончается одна эпоха и начинается другая, громадное значение которой для всех было очевидно».

И. И. Иванюков, экономист[13]*:* «Это было, когда в полном смысле слова открывались перспективы новой и чудной зари русской жизни. Немудрено поэтому, что все доброе, просвещенное, честное поистине ликовало».

О. В. Аптекман, историк, врач[14]*:* «Подъем интеллигентской мысли и интеллигентского чувства был на значительной высоте. Это было в первую половину 60-х годов… Освобождение крестьян означало освобождение человека, личности от всякого гнета, гнета семейного и общественного, гнета традиций и авторитета… Пришел разночинец, сильный, гордый и смелый. Он почуял свободу и взял быка за рога.

Падают авторитеты. Рушатся традиции. Идет решительная "переоценка всех ценностей"… Реальное мышление и автономная личность – гвоздь философской доктрины».

Н. В. Шелгунов, публицист[15]*:* «Неожиданно началась война, неожиданно пал Севастополь. Но когда эта громада пала, когда оказалось, что Россия не имеет ни денег, ни людей, чтобы продолжать борьбу, когда две такие неожиданности, как смерть императора Николая и павший Севастополь, точно два громадных удара, повторились один за другим, Россия точно проснулась от летаргического сна.

Нравственное состояние, в котором очутилась Россия после этих громовых ударов, редко в истории народов, а на памяти русской истории подобное положение еще не бывало. Освобождение России от поляков и смут в 1612 г., освобождение от двунадесяти языков в 1812 г., были, конечно, моментами очень героического напряжения и чудовищной народной энергии, но это были только моменты чувства и инстинкта самосохранения. Теперь было не то, и за свою государственную целость нам бояться было нечего. Все могло бы идти в обычном, установившемся порядке. Государь умер, на престол вступил его наследник без потрясений и беспорядков, война кончилась, мир предстоял достаточно почетный, все было тихо, спокойно, мирно, и все могло бы идти опять по-старому, традиционному, с какими-нибудь небольшими починками и преобразованиями. Казалось бы, только радоваться и отдыхать после военных трудов и

---

[11] *Аверкиев Д. В.* Памяти М. Н. Каткова // Рус. вестник. 1887. № 7. С. 134–135.
[12] *Сементковский Р. И.* М. Н. Катков: его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892. С. 25–26.
[13] *Иванюков И. И.* Очерки провинциальной жизни // Рус. мысль. 1894. № 5. С. 189.
[14] *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 20.
[15] Цит. по: *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX в. М., 2011. С. 17.

севастопольских потерь. Но в том то и дело, что старое уже не могло больше повториться, все чувствовали, что порвался какой-то нерв, что дорога к старому закрылась.

Это был один из таких начинающих исторических моментов, которые подготовляются не годами, а веками, и они так неустранимы, как лавины в горах, как ливни под экватором. Единоличная воля в таких случаях исчезает и всеми, сверху донизу, овладевает один общий жизненный порыв, вначале инстинктивный, как глубокий вздох после летаргического сна, как первое светлое пробуждение после горячки; но затем, после бессознательного, инстинктивного душевного движения, является понемногу светлое состояние сознания, человек приходит в себя и с новыми силами принимается за новую работу. То, что происходит с отдельным человеком, повторяется и с народами, когда каждым и всеми овладевает одно и тоже душевное состояние, когда каждый и все чувствуют перелом, когда каждый и все из бессознательного, инстинктивного состояния переходят к работе мысли, когда в каждом и во всех пробуждается критическая мысль, каждый и все начинают думать. В том, что после Севастополя все очнулись, все стали думать и всеми овладело критическое настроение, и заключается разгадка мистического секрета шестидесятых годов. Все – вот секрет того времени и секрет успеха всех реформ. Император Николай опирался только на Государственный совет, император Александр II обратился к чувствам всех, к труду всех, к тем громадным творческим и сознательным силам, которые хранились в нижнем течении».

«Толстый» журнал в системе периодической печати России второй половины XIX века

Н. Н. Родигина: Периодическая печать как источник изучения политических, социально-экономических, культурных реалий давно и плодотворно привлекает внимание исследователей. Используя газеты, журналы, повременные издания как богатейший источник реконструкции «фактической истории», при анализе информативных возможностей периодики историки традиционно обращали внимание на «достоверность» отражения в ней тех или иных событий, на степень объективности того или иного издания. С последней четверти XX в. в связи с «антропологическим» и «лингвистическим» поворотами в исторической науке, всплеском исследовательского интереса к изучению «второй реальности» (мира идей, представлений, образов) периодическая печать стала активно востребована как источник изучения «человеческой субъективности». Специалисты по интеллектуальной, ментальной, новой политической истории обращаются к печатной периодике для изучения общественного мнения, картины мира и системы ценностных ориентиров, менталитета различных сословных, мировоззренческих, поколенческих сообществ.

Сконцентрируем свое внимание на феномене «толстого» журнала в двух аспектах: на его участии в формировании общественного мнения и его роли в создании коммуникативного пространства русских интеллектуалов.

Как известно, ежемесячные общественно-политические журналы занимали ведущее место в круге чтения образованных русских с начала XIX в. до 1880-х гг. Они уступили свои лидирующие позиции (определяющиеся, в первую очередь, тиражами и количеством подписчиков), сначала так называемому «тонкому» журналу (иллюстрированному еженедельнику), а затем, в начале XX в. – ежедневным газетам. Однако многие исследователи утверждают, что на протяжении всего XIX столетия

«толстый» журнал был основным типом периодического издания в системе прессы и властителем дум русских интеллектуалов, сохранив свое влияние и в начале XX в.[16]

Сам факт перехода лидерства от одного типа периодического издания к другому, с более частой периодичностью, отражал динамику модернизационных изменений: ускорение темпов исторического процесса, распространение грамотности (и, соответственно, увеличение потребителей печатной продукции), усиление социальной и территориальной мобильности населения, активизацию политической жизни, рост массовой потребности в «свежей» информации об экономике, политике, культуре и др.

Специалист по истории журналистики С. Я. Махонина называет следующие отличительные характеристики «толстого» журнала: «… во-первых, объем (до 300–500 страниц); во-вторых, совокупность тем, находящихся в сфере его внимания; в-третьих, особый состав номера, где совмещены литературно-художественный сборник, политическая газета и своеобразная научная энциклопедия. Эти три объекта внимания толстого журнала, три области его интересов находятся в журнальном номере в соотношении, определяемом своеобразием исторического периода и состоянием читательской аудитории»[17].

Консолидирующая роль общественно-политических и литературных ежемесячников второй половины XIX в. в процессе формирования, структурирования и трансляции общественного мнения неоднократно отмечалась как их современниками, так и исследователями. Яркая оценка «толстого»журнала как инструмента формирования политических партий принадлежит одному из его первых исследователей – Л. Д. Троцкому, писавшему в 1923 г.: «Журналы наши были лабораториями, в которых вырабатывались идейные течения… Журнал в своем многообразии и своем единстве был наиболее приспособленным орудием для идейного сцепления интеллигенции»[18]. Участие «толстого» журнала в структурировании общественного мнения и формировании идеологических, эстетических пристрастий образованной публики рассматривали родоначальники советской школы истории журналистики В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов, один из первых советских историков общественного мнения Б. П. Козьмин[19].

Социально-мобилизующая и идентификационная функции пореформенных общественно-политических журналов вновь стали предметом активного исследовательского интереса с начала 1990-х гг. В переведенной на русский язык известной работе американского историка Р. Пайпса «Россия при старом режиме» толстый журнал номинировался как основной институт репрезентации общественного мнения наряду с салоном, кружком, университетской аудиторией и др. Пайпсу принадлежит полюбившаяся постсоветским историкам цитата, иллюстрирующая значение общественно-политических ежемесячников в процессе формирования имперского интеллектуального пространства: «Толстый журнал сыграл совершенно исключительную роль в развитии русского общественного мнения. Он разносил по всей огромной империи знания и идеи, которые в противном случае остались бы достоянием лишь двух столиц, и

---

[16] См.: *Махонина С. Я.* История русской периодической печати в начале XX в. М., 2004. С. 121.
[17] Там же. С. 122.
[18] *Троцкий Л. Д.* Судьба толстого журнала // Литература и революция. М., 1923. С. 297–298.
[19] См.: *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. Л., 1930; *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40–50-х гг. Л., 1934; *Козьмин Б. П.*: 1) Русская журналистика 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1948; 2) «Русское богатство» (1880–1881 гг.) // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 404–448.

таким образом создавал объединяющие связи между людьми, живущими вдали друг от друга в провинциальных городках и деревенских поместьях. Именно на этой основе в начале XX в. в России с такой быстротой появились политические партии»[20].

Однако влияние общественно-политических и отраслевых ежемесячников на формирование коммуникативного пространства русских интеллектуалов во второй половине XIX в. было шире и многообразнее. Журналы, наряду с кружками, университетами, конструировали само сообщество русской интеллигенции, формировали его мифологию, создавали «места» и ландшафты памяти, предлагали поведенческие образцы, способствовали складыванию не только мировоззренческой, но и социокультурной, национальной, региональной идентичностей.

Специалист по социологии чтения А. И. Рейтблат детально исследовал причины «журнализации» русской литературы XIX в. Он выделил следующие факторы, обусловившие популярность общественно-политических журналов в первые пореформенные десятилетия:

1) постепенное повышение уровня образования россиян, заимствование у столичного дворянства культурных, в том числе и поведенческих, образцов провинциальными помещиками, чиновниками, разночинцами, в результате чего чтение становилось необходимым элементом образа жизни более широких слоев населения;

2) журналы являлись инструментом солидаризации сторонников того или иного идеологического направления, способствуя в условиях политической неразвитости формированию общественного мнения по актуальным вопросам окружающей действительности и мировоззренческой самоидентификации современников;

3) в условиях дифференциации культуры появилась потребность в посреднике между интеллектуальной элитой, ориентированной на просвещение населения, и читателями-неофитами, стремящимися получить оперативную трактовку всех научных, литературных и политических событий, – потребность, которую мог удовлетворить «толстый» журнал, осуществлявший связь между столицей и провинцией;

4) в связи со сравнительной дороговизной книг читателям проще было выбрать журнал и в дальнейшем обращаться только к нему, доверив редакции отбирать произведения для чтения;

5) тенденция к усилению злободневности, социальной ориентированности литературы сформировала читательскую потребность не просто в хороших, но и в новых, актуальных произведениях;

6) журнал отбирал, систематизировал из всего богатства и многообразия культуры наиболее важные тексты и в популярной, доступной форме транслировал их читателям, по сути, создавая новый текст, определяемый конструкцией и образом издания, определявшимися главным образом мировоззренческой ориентацией журнала[21].

Соотнося идеи А. И. Рейтблата с теорией символической власти и социальных полей французского социолога П. Бурдье[22], можно утверждать, что в пореформенной России частные ежемесячные общественно-политические журналы, возникшие на основе неформальных объединений единомышленников, не только обслуживали потребности определенных политических сообществ, но и, как правило, сами формировали и эти сообщества, и их потребности. Существенный интерес представляют работы современных

---

[20] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 345–346.

[21] См.: *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 33–36.

[22] См.*: Бурдье П.*: 1) Социология политики. М., 1993; 2) Начала. М., 1994; 3) О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 91–140.

исследователей Н. Д. Потаповой, Т. Дашковой[23], использующих материалы журнальной прессы для деконструкции образа мира, сконструированного конкретными изданиями, и выяснения используемых ими способов социального программирования читательской аудитории. Фиксируя роль программы журнала в структурировании и репрезентации образа издания, значение заголовков, публицистических клише в практике манипулирования массовым сознанием, они подтверждают наблюдения П. Бурдье о том, что журналы (как одно из средств массовой информации), конструируя для своих читателей свой образ мира, осуществляли свое символическое господство. Отбирая и интерпретируя явления реальности, журналы участвовали в символической борьбе за восприятие читателями социального мира, заставляя их определенным образом увидеть и определенным образом оценить действительность[24].

Итак, отправными для нас стали идеи вышеупомянутых исследователей о том, что журналы консолидировали вокруг себя сторонников того или иного политического направления, способствуя политической идентификации современников; они являлись одним из основных каналов культурной коммуникации, формируя имперское интеллектуальное пространство.

Журнальный текст отражал коллективные представления еще и потому, что являлся результатом сотворчества, «интеллектуальной складчины» целой группы людей: автора, редактора, издателя, цензора и читателя[25]. Достаточно определенно эту мысль сформулировал один из идейных лидеров русской публицистики второй половины XIX в. Н. К. Михайловский, сам редактировавший один из популярнейших журналов народнического толка «Русское богатство»: «Журнал, а потом и газета определяли собою нередко и форму, и содержание произведений даже выдающихся талантов… Журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведения… писателей, на журнальную или собственно редакторскую работу тратилась значительная часть сил выдающихся писателей»[26].

Мысль о тенденциозности и идеологической детерминированности содержания ведущих общественно-политических журналов второй половины XIX – начала XX в. была аксиоматичной для подавляющего большинства историков общественного мнения и русской журналистики как дооктябрьского, так и советского, и постсоветского периодов. Много и подробно о влиянии направления журнала на отбор текстов для публикации рассуждали сами участники литературного процесса пореформенной эпохи. Воспоминания авторов «толстых» журналов пестрят упоминаниями о направлении, «проводимом» их изданием, фиксируя, таким образом, собственную политическую идентичность. «Много народу группировалось около “Русского богатства”. Оно никогда не было партийным органом и всегда было органом направления», – вспоминал С. Я. Елпатьевский, активно сотрудничавший с журналом[27].

---

[23] См.: *Потапова Н. Д.* Историческая периодика в ситуации языкового выбора // Исторические исследования в России – II: семь лет спустя. М., 2003. С. 35–49; *Дашкова Т.* «Работницу» в массы: политика социального моделирования в советских женских журналах 19*30*-х гг. // Новое литературное обозрение (НЛО). 2001. № 50 (4). С. 184–192.

[24] См.: *Бурдье П.* Начала. С. 196–198.

[25] См.: *Мохначёва М. П.* Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. 1. С. 254.

[26] Цит. по: *Рейтблат А. И.* Указ. соч. С. 36.

[27] *Елпатьевский С. Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Л., 1929. С. 266.

Строгое следование «своему направлению» рассматривалось как одно из необходимых условий популярности издания. Уже искушенный в тонкостях политической борьбы В. И. Ленин замечал в письме к Потресову 27 апреля 1899 г., критикуя ежемесячник «Начало», редактировавшийся П. Б. Струве: «Я не забываю, конечно, что при российских условиях нельзя требовать от журнала допущения одних genossen и исключения остальных, – но ведь такой журнал, как “Начало”, все [же] не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (ala “Мир божий”, “Научное обозрение” и пр.), а орган направления. Поэтому для такого журнала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех “посторонних” вообще. Только тем и объясняется громадный успех “Нового слова” (имеется в виду «марксистский» период журнала. – *Н. Р.*), что редакция вела его именно как орган направления, а не как альманах»[28].

Идейное направление журнала было одним из основных параметров характеристики его органами цензуры. В определенной степени типичен, с точки зрения иллюстрации цензорской риторики, отзыв цензора С. И. Коссовича об одном из ведущих толстых журналов: «“Вестник Европы” – журнал ежемесячный, один из старейших органов спокойного либерального направления. Традиции 60-х гг. выкристаллизовались на страницах этого спокойного органа, настаивающего на устоявшихся принципах»[29]. Понимая зависимость таких оценок от личности цензора, уровня образования, политических пристрастий, особенностей его взаимоотношений с редакцией журнала и от массы других, порой случайных обстоятельств, замечу факт фиксации «направления» издания как одной из основных его системных, значимых с точки зрения власти характеристик.

Как уже было отмечено, «направленчество» толстых журналов способствовало политической идентификации, формированию группового самосознания, картины мира и системы ценностных ориентаций современников, о чем свидетельствует многочисленная эпистолярная и мемуарная литература. Марксист Л. С. Федорченко, сосланный в Шенкурск Архангельской губернии, так оценивал влияние марксистского «Нового слова» на своих единомышленников: «С появлением этого журнала, а также на придачу ему “Научного обозрения”, все более и более делавшегося марксистским, мы буквально чувствовали себя на десятом небе. Каждая статья “Нового слова” подвергалась нами всестороннему обсуждению. В статьях Каменского-Плеханова затрагивались и ставились коренные философские вопросы: о роли личности в истории, об отношении свободы к необходимости… Производили впечатление статьи В. И. Ленина об экономическом романтизме, о Сисмонде и сисмондистах… То, что и чуждые марксизму журналы, вроде тогдашнего “Мира божьего” В. Острогорского, давали место статьям марксистов, вроде Крживицкого, Струве и др[угих], доказывало нам, что теория марксизма не только приобретает право гражданства в России, но и становится общественной силой, с которой должны считаться даже русские либералы, которые до тех пор были, как известно, в плену народнического эклектизма. Но это также говорило нам и о том, что Россия быстро бежит по капиталистическим рельсам, и что либеральной буржуазии выгоднее теперь щеголять в марксистском плаще»[30].

Итак, как свидетельствует рефлексия информированных современников, «толстые» журналы выражали групповые интересы «своего» политического направления, игнорируя или нивелируя индивидуальные варианты «иного» осмысления социально значимых вопросов. Журналы, декларировавшие отказ от «направленчества» и позиционировавшие себя как литературные органы «вне политики», в изучаемый нами период, как правило, имели недолгую биографию. В данном случае показательна судьба «Северного вестника»,

---

[28] *Ленин В. И.* Письма 1893–1904 гг. // Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 46. С. 23.

[29] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 777. Оп. 4 (1893 г.). Д. 205. Л. 13.

[30] *Федорченко Л. С. [Чаров Н.]* В тюрьме и ссылке: из воспоминаний 1895–1900 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 2 (51). С. 106–107.

издававшегося первоначально как либерально-народнический журнал, затем перешедшего на позиции модернизма с весьма расплывчатой идейной программой. Журнал постепенно растерял своих подписчиков и, по меткому выражению его бывшего сотрудника И. П. Белоконского, «как и следовало ожидать, скончался естественной смертью: его перестали читать»[31].

Остановимся на методах, которые могут быть использованы для выявления коллективных представлений о социально значимых объектах реальности, местах и фигурах памяти, содержания концептов, то есть для изучения «второй реальности», или образов реальности.

В числе первых назовем *дискурсный анализ* журнальных текстов. Под *дискурсом,* вслед за Т. А. Ван Дейком, мы понимаем завершенный письменный вербальный продукт коммуникативного действия, а также его результат, который интерпретируется реципиентами[32]. По нашему мнению, дискурсный анализ подразумевает характеристику, как минимум, трех компонентов коммуникативного события: 1) образа автора (адресанта); 2) образа адресата; 3) предмета сообщения.

При определении образа автора «толстого» журнала мы стремимся, *во-первых,* составить представление о создателе текста, причинах обращения к той или иной теме (жанру), мотивах текстопорождения, путях попадания рукописи в журнал. *Во-вторых,* мы уже упоминали о том, что рассматриваем журнальный текст как результат коллективного сотворчества автора, редактора, издателя, критика, цензора и др.

В числе обстоятельств, преобразующих авторский текст в журнальную публикацию коллективного «текста-источника», М. П. Мохначёва называет: тип издания (научный, литературный, исторический и пр.); его программу (смысловой «организатор» и «координатор» текстовых интенций авторского текста); мировоззренческую ориентацию журнала; личность редактора-издателя, его «редакторские» стратегии, особенности его взаимоотношений с авторским коллективом; цензурную норму; особенности финансирования издания и его гонорарную политику[33]. Данный перечень содержит элементы, представляющиеся важными с точки зрения реконструкции образа автора. Как часто сотрудничал тот или иной автор в журнале? Каковы мотивы и история этого сотрудничества? Совпадали ли его убеждения с направлением, программой журнала? Насколько поднимаемые им темы, проблемы были характерны для издания? Каким образом рукопись попала в редакцию журнала? Был ли получен гонорар за публикацию, как его размер соотносился с гонорарной политикой издания? Какова роль редактора и цензора в работе над текстом? Вот примерный круг вопросов, ответы на которые помогут выяснить предысторию журнальной публикации.

Выясняя образ адресата журнального текста, мы фиксируем внимание на количественном, образовательном, половом, возрастном, гендерном, профессиональном составе читательской аудитории, территории ее проживания. Вообще, как отмечалось многочисленными специалистами по истории чтения, аудитория «толстых» журналов не была обширной. По подсчетам А. И. Рейблата, для того, чтобы журнал «не прогорел», нужно было хотя бы 2–3 тыс. подписчиков[34]. Суммарный одноразовый тираж журналов, по данным того же Рейблата, в 1860 г. составлял 30 тыс., в 1880 г. – 40 тыс., в 1890 г. – 90 тыс. экземпляров[35]. Если учесть, что численность населения Российской империи по переписи населения 1897 г. составляла 128 200 тыс. человек, то окажется, что в 1890-х гг.

---

[31]*Белоконский И. П.* В годы бесправия. М., 1930. С. 108.
[32]*DijkT. V.*Ideology: aMultidisciplinaryApproach. L., 1998. С. 18.
[33]*Мохначёва М. П.* Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. 1. С. 254.
[34]*РейтблатА. И.*Указ. соч. С. 47–48.
[35] Там же. С. 47.

один номер «толстого» журнала приходился на 1422 человека. Однако, по свидетельствам информированных современников, в среднем на один экземпляр приходилось реально 13–14 читателей. Таким образом, приходится констатировать, что «толстый» журнал «обслуживал» интеллектуальные запросы «мыслящего меньшинства».

Значительная часть подписчиков «толстых» журналов проживала в провинции. К примеру, по нашим подсчетам, основанным на материалах журнальной статистики, публиковавшейся в декабрьских номерах «Вестника Европы», в 1871–1881 гг. провинциальные подписчики составляли в среднем 69 % читателей издания (оставшиеся приходились на долю Санкт-Петербурга, Москвы и заграничной подписки). Лидирующее положение среди провинциальных подписчиков занимали жители Херсонской, Киевской и Екатеринославской губерний. Сведения о распределении подписчиков в пределах сибирских губерний говорят о том, что журнал читали не только в губернских центрах, но и в селах, и в уездных городах.

Письма в редакцию «Вестника Европы», мемуары образованных россиян свидетельствуют о том, что провинциальную читательскую аудиторию журнала составляли представители разных сословных и возрастных групп: разночинцы, чиновники, представители духовенства и купечества, обитатели «дворянских гнезд», учащаяся молодежь. Состав читательской аудитории журнала удачно отразил его цензор в ежегодном отчете в Главное управление по делам печати за 1878 г.: «“Вестник Европы”, имеющий многочисленных читателей преимущественно среди высшего и образованного класса общества, является одним из влиятельных органов нашей периодической печати. Большинство серьезных статей “Вестника Европы” пишутся людьми талантливыми и специально изучавшими предмет, почему мнения, выражаемые ими, не могут проходить бесследно для общества. Как в этих серьезных статьях, так равно и в беллетристике и в прочих делах издания взгляды редакции проводятся весьма осторожно. Тем не менее, взгляды эти совершенно ясны для постоянных читателей. “Вестник Европы” при всяком удобном случае стремится выставить неудовлетворительность существующего устройства России и преимущества представительного образа правления»[36].

Естественно, что каждый журнал ориентировался на свой сегмент читательской аудитории, однако общим было то, что основными читателями были интеллектуалы, ожидавшие от журналов новинок художественной литературы, злободневных литературно-критических произведений, аналитических публицистических статей. Заметим, что структура «толстых» журналов была достаточно традиционной и свидетельствовала о литературных предпочтениях подписчиков. Она включала в себя: литературный (беллетристический), литературно-критический, публицистический отделы, обозрение важнейших политических, экономических, культурных, научных событий российской жизни и отдел международных новостей. Возвращаясь к вопросу об образе адресата, отметим, что важно, но на практике очень сложно выяснить реакцию читателей на ту или иную публикацию (серию публикаций). Чаще всего эта реакция выражалась в письмах в редакцию, которые иногда печатались в самом издании, в юбилейных телеграммах, в литературно-критических статьях или журнальных обозрениях других журналов (критиков тоже можно причислить к литературно социализированным читателям).

Посредническую функцию в общении между корреспондентами «толстых» журналов и их редакторами выполняли журфиксы. Известная мемуаристка Э. К. Пименова писала, например, о журфиксах «Русского богатства»: «Если кто-нибудь из провинциальных писателей приезжал в Петербург, то непременно появлялся в который-нибудь из четвергов в “Русское богатство”. Это был своего рода “литературный клуб”, но, разумеется, не все были вхожи туда, и для этого надо было обладать

[36] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Л. 46.

определенной репутацией передового общественного или литературного деятеля и быть знакомым кому-нибудь из членов этого круга»[37].

Ценным источником выявления реакции читателей на ту или иную публикацию «толстых» журналов являются воспоминания, дневники, письма литературно социализированных современников.

В качестве структурной основы для выявления предмета сообщения может выступать как отдельно взятый текст (публицистическая статья, информационное сообщение, рецензия, художественное произведение и т. д.), так и совокупность текстов, связанных тематической или/и жанровой согласованностью, общим авторством или объединенных на основе других содержательных оснований.

Для всех, кто изучает образы реальности, отраженные на страницах периодической печати, приоритетное значение имеют методы реконструкции и интерпретации.Под *реконструкцией* подразумеваются усилия историка по восстановлению авторской логики и смысла произведений журнального дискурса. *Интерпретация* предполагает поиск мотивов, побудивших автора к созданию того или иного текста, посвященного реалиям русской жизни. Она основывается на рациональной логике исследователя, отражающей его личностные особенности (ценностные ориентиры, поведенческие сценарии, психологические черты и др.), предопределившие содержание его наблюдений, выводов, оценочных суждений.

Наряду с традиционными для отечественных историков методами реконструкции и интерпретации, целесообразно использование введенного в методический инструментарий представителями «новой интеллектуальной истории» метода *деконструкции* текстов журнального дискурса. Деконструкция понимается как критический метод анализа смысла авторских текстов посредством расчленения и собирания заново их составных частей («предложений»). Если обычные интерпретации текстов сосредоточиваются на авторе и очевидном смысле работы, то задача деконструкции – «подорвать» значение автора, сосредоточиваясь на структуре текста, раскрыть имплицитные смыслы, значения в текстах, раскрывая их опорные и скрытые установки. Деконструкция приводит к выдвижению на первый план вместо поисков очевидных и официальных смыслов стратегии «подрывного» чтения.

Применение метода деконструкции предопределяет обращение к активно востребованному современными литературоведами приему *внимательного, бесконечного чтения*, основанного на желании понять, как выбирались для текста речевые конструкции, каким образом определенная текстуальная стратегия воздействовала на язык и стилистику нарратива. Употребление данного приема позволяет вычленить из текстов «коллективного автора» (редакции журнала) индивидуальные голоса конкретных творцов журнального дискурса.

Для выявления текстов на интересующую тему, определения их количественных параметров и основных тематизмов, выяснения тех контекстов, которые актуализировали значимые сюжеты на страницах конкретных периодических изданий, продуктивен такой исследовательский прием, как *сплошной (фронтальный) просмотр* годовых комплектов журнала. Для выяснения устойчивых лексических клише слов и словосочетаний (слов-маркеров), раскрывавших содержание ключевых концептов, могут быть использованы элементы *контент-анализа* журнальных текстов.

При определении степени представленности публикаций на интересующую исследователя тему продуктивно применение *статистического метода* и *приема графической визуализации* полученных показателей (составление таблиц, диаграмм, графиков).

Итак, «толстые» журналы, представлявшие собой специфическое явление русской культуры второй половины XIX в., являются ценным источником изучения мира идей и

---

[37]*Пименова Э. К.* Дни минувшие. Л.; М., 1929. С. 155.

идеалов, идентичностей образованного общества, институтов и форм его коммуникации. Комплексный характер источника (как известно, журналы на своих страницах публиковали художественные произведения, публицистические, научные и научно-популярные статьи, информационные сообщения, статистические сведения, официальные документы, рекламу и пр.) позволяет выяснить круг тем, актуальных для образованных русских; выяснить их эстетические, научные предпочтения; уточнить позицию идеологических «мы-групп» по злободневным вопросам пореформенной действительности и пр.

Причины появления «тонких» журналов в системе периодической печати России пореформенной эпохи

Отрывок из статьи в журнале «Современная жизнь» за 1906 г.[38]*:* «Характер времени обусловил сильное развитие особого рода периодической печати – мелких, преимущественно еженедельных журналов. Они явились как бы компромиссом между двумя прежними основными типами журналистики: ежедневной газетой и толстым ежемесячным журналом. С одной стороны, острый характер текущего общественного кризиса требовал от печати приближения к жизни, быстроты реакции на злобу дня, подвижной энергии газеты. С другой стороны, глубина и сложность задач, выдвинутых кризисом с его путаницей политических и социальных групповых интересов, требовали серьезного научного освещения вопросов, той основательности, какой обладали ежемесячники. В результате мы видим необычайное развитие этой промежуточной, “революционной” журнальной формы – еженедельника».

С. Я. Махонина, современный исследователь[39]*:* «Тип еженедельного журнала не был новым для системы русской прессы. Еженедельники существовали в XVIII в., расцвет их пришелся на 50–60-е гг. XIX в. Но в 1900–1917 гг. “примерно треть выпускаемых периодических изданий приходилась на долю еженедельников”.

В XIX в. отделения газеты от журнала еще не произошло, и общей особенностью еженедельников была только периодичность [выхода] – раз в неделю. После революции 1905 г. еженедельники представляют только журналы. Постепенно выработалась форма подобного издания: тонкий журнал в 50–60 страниц. Обязательными для него были: “... наличие иллюстраций в качестве самостоятельных материалов издания; обязательный беллетристический отдел; компилятивные обзоры публикаций за неделю по различным общественно-политическим вопросам”.

Таким образом, от толстого издания остался отдел беллетристики, без романа или рассказа русский читатель журнал не воспринимал. Компилятивные обзоры событий утратили основательность журнальных обозрений, но и не превратились в простую газетную информацию. И, наконец, иллюстрации стали самостоятельным содержательным компонентом журнала. Они постепенно выходили на журнальные страницы в виде рисунков и репродукций, а с развитием техники, когда в России научились делать клише с фотографий, вышли и на страницы газетные. В еженедельниках иллюстрации играли самостоятельную роль, не всегда подчиненную основному тексту. Для читательской аудитории подобного типа периодики важна была и его невысокая цена.

---

[38] Цит. по*: Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX в. [Электронный ресурс]: учеб. пособие. М., 2002 // EvArtist: авторский проект Е. Алеевой. Режим доступа: http://www.evartist.narod.ru/text1/94.htm (дата обращения: 20.09.2012).

[39]*Махонина С. Я.* Указ. соч.

Выход каждого еженедельника в “свой” день недели тоже был удобен читателям, создавался практически непрерывный журнальный поток, и человек в соответствии со своими интересами и свободным временем мог выбирать, какой журнал ему читать. Была занята почти вся неделя, нарушений срока выхода не допускалось. Появился даже термин “понедельничная пресса”, – почему-то журналы, выходившие в понедельник, считались беспринципными, пустыми, часто они были охранительного толка».

Читательская аудитория иллюстрированных еженедельных изданий

А. А. Каспари, редактор иллюстрированного еженедельника «Родина» (конец XIX – начало XX в.)[40]*:* «Есть разный русский публикум. Есть русский публикум для “Нивы” – это первый класс, второй и даже, положим, третий среднего учебного заведения; есть публикум четвертого и прочих классов, включительно до седьмого, – и он читает “Отечественные записки”, “Русское богатство”, “Вестник Европы”. Такого русского публикума, который можно было бы назвать нуждающимся в университете, еще нет, еще русский публикум до университета не дорос. Ну, конечно, если бы я даже мог издавать такой университет, я бы этого не сделал по той причине, что я – коммерческий человек. Нельзя издавать журнал для горстки людей. Но я вспомнил, что в России нет также приготовительного журнала, из которого русский публикум мог бы переходить в “Ниву”, в “Русское богатство” и другие среднеучебные журналы. И вот я тогда сделал “Родину”. Самый неграмотный русский публикум хлынул ко мне, и я стал давать ему лубочные картинки, хорошо понимая, поверьте мне, что художественно исполненные ксилографии и фототипии еще приготовительный читатель не понимает. И я выбирал иногда плохие и малограмотные повести в самых старинных манерах и с мещанскими вкусами и законной моралью, чтобы не отпугивать неразвитый публикум, который обижается, когда он видит или читает что-нибудь мало понятное ему, недоступное, новое и умное».

Л. Н. Толстой в письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину (1885 г.)[41]*:* «С тех пор, как мы с Вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика была у журналов – тысяч 20… теперь сделалось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось… и зародился новый круг читателей… надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами».

А. П. Чехов в письме к редактору «Нивы» А. А. Тихонову-Луговому (1896 г.)[42]*:* «Вы правы, говоря, что надо иметь в виду “пестрого” читателя… Русский пестрый читатель если и не образован, то хочет и старается быть образованным; он серьезен, вдумчив и неглуп».

Из письма крестьянина Рязанской губернии (начало 1890-х гг.)[43]*:* «Я получаю журнал-газету “Родина” уже четвертый год и нахожу, что это самый крестьянский журнал как по цене, так и по содержанию, и обилию материала».

Из письма крестьянина Вятской губернии (начало 1890-х гг.)[44]*:* «… духовенство выписывает журнал “Ниву”, полагаю, что на паях, потому что полученный номер “Нивы”

---

[40] Цит. по: *Рейтблат А. И.* Указ. соч. С. 104–105.
[41] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Л., 1934. Т. 63. С. 307.
[42] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1978. Т. 6. С. 179.
[43] Цит. по: *Рейтблат А. И.* Указ. соч. С. 103.

передается от священника к дьякону, а потом к дьячкам <…> Читают этот журнал преимущественно женщины духовного звания, потому что к “Ниве” есть приложение “парижских мод”, которое служит руководством для дам вообще сельской интеллигенции».

А. И. Рейтблат, современный исследователь[45]*:* «В пореформенный период выделился значительный по численности “промежуточный” слой читательской публики, состоявший из “полуобразованных” читателей. Это были, как правило, мелкие и средние чиновники, сельские священники, купцы и мещане, провинциальная интеллигенция.
Получив “среднее” образование (уездное или духовное училище, семинария, несколько классов гимназии и т. п.), они привыкли искать ответы на возникающие вопросы в книге, однако краткосрочность обучения обусловила тот факт, что “научная” картина мира была усвоена ими не полностью, мировоззрение их было фрагментарно и сохраняло многие элементы и традиции обыденных представлений. Отсюда, с одной стороны, стремление к получению разнообразных сведений, а с другой – тяга не к систематичности этих знаний, а к сенсационности, интересности, завлекательности получаемой информации. Потребностям подобных читателей в наибольшей степени отвечал иллюстрированный еженедельник. <…>

Толстый журнал был слишком сложен для читателей промежуточного слоя, да и волновали их нередко иные проблемы. Они нуждались в более простом и доступном периодическом издании, рассчитанном на их интересы и вкусы. И характерно, что, хотя первые иллюстрированные еженедельники появились в России еще в начале XIX в. (“Журнал карикатур”, 1808; “Живописное обозрение”, 1835–1844), однако быстрый рост их числа наблюдается лишь в последней его трети (в 1860 г. – 5 изданий, в 1880 – 18, в 1890 – 29, в 1900 г. – 41). Наиболее широко распространенным типом иллюстрированного журнала становится в этот период универсальный еженедельник “для семейного чтения”, сочетающий текст и иллюстрации (портреты, пейзажи, репродукции картин и т. п.).

Первый подобный журнал (“Всемирная иллюстрация”) выходил с 1869 г., а в 1877 г. насчитывалось уже семь таких изданий (“Всемирная иллюстрация”, “Живописное обозрение”, “Иллюстрированная неделя”, “Кругозор”, “Нива”, “Пчела”, “Северная звезда” – все издавались в Петербурге). В результате суммарная аудитория иллюстрированных журналов составляла в конце 1870-х гг. примерно 100 тыс. подписчиков, а в начале XX в. – порядка 500 тыс. Именно иллюстрированные журналы сыграли для этого читательского слоя важную роль в привитии навыков читательской культуры, приобщении к художественной литературе и современным научным знаниям, ознакомлении с изобразительным искусством».

А. С. Воронкевич, современный исследователь[46]*:* «Иллюстрированный еженедельник в целом обращался к максимально широкой в социальном и образовательном смысле аудитории. С одной стороны, он призван был готовить читателя для восприятия более “серьезных”, менее популярных органов печати, приобщать широкие массы к культуре. С другой стороны, иллюстрированный еженедельник в сжатой и доступной форме сообщал культурному читателю последние сведения из области науки, искусства, общественной жизни.

---

[44] Там же.
[45] Там же. С. 101–102.
[46] *Воронкевич А. С.* Иллюстрированные еженедельники в России (1808–1904): метод. указания к спецсеминару. М., 1985. С. 16.

Дешевизна, доступность и наглядность содержания, с одной стороны, повышенная информативность злободневных материалов – с другой, позволяли иллюстрированному еженедельнику завоевывать большую и разнородную аудиторию».

Популярные общественно-политические еженедельники второй половины XIX – начала XX в.

С. Я. Махонина, современный историк[47]*:* «Одним из самых известных еженедельников, оставшихся и в памяти потомков, стала знаменитая “Нива”. У журнала был самый высокий тираж, какой когда-либо имела журнальная периодика в России, – 250 тыс. экземпляров в 1901 г. В домашних библиотеках наших современников сохраняются полные собрания сочинений русских и зарубежных писателей, сборники стихов и рассказов, альбомы репродукций с картин, издававшиеся “Нивой” в качестве приложений. “Нива” просуществовала около 50 лет (1870 – декабрь 1917). Издателем был А. Ф. Маркс – глава известной издательской фирмы. “Нива” была его главным и любимым детищем. Журнал создавался по типу немецкого Gartenlaube и предназначался для чтения в семейном кругу. Таким образом, это издание открыло целый ряд журналов “для семейного чтения”.

В конце 1904 г. в номере, посвященном памяти умершего А. Ф. Маркса, один из сотрудников журнала З. Рогозин так определил тип семейного журнала: “Что такое собственно семейный журнал? В чем его задача? Задача, несомненно, воспитательная в самом широком смысле этого слова. В сущности ее даже можно бы назвать продолжением школы. Идеал, который преследует семейный журнал, сознающий все значение своей просветительской миссии, заключается в том, чтобы заурядная семья, более или менее поглощенная житейскими заботами и добыванием насущного хлеба и, следовательно, не имеющая возможности уделять много времени и средств на чисто культурные цели, выбрав себе один орган общения с отечественной и мировой жизнью, находила в нем настолько солидную пищу, чтобы не отощать, от современности не отстать и в то же время не терять и понимания вечных начал этики и красоты. В духовном бытии человека преобладают два элемента – любознательность и чувство, или на простом языке – ″ум и сердце″. Семейный журнал должен с обоими ровно считаться, удовлетворять первую своим фактическим и научным содержанием, второе – хорошей беллетристикой... В семье каждый член, кроме общих интересов, общих фамильных черт, имеет свои особые занятия, задачи, вкусы. Хорош тот семейный журнал, в котором каждый находит ″свое″ и в то же время расширяет свой кругозор, область того, что возбуждает его любопытство и участие”.

В задачи журнала входило, таким образом, предоставить пищу “и уму, и сердцу”, и пищу не только сиюминутную (“не отощать, от современности не отстать”), но и духовную – воспитать в человеке “понимание вечных начал этики и красоты”. Для “ума” – общественное и научное содержание, для “сердца” – беллетристика.

Своей программы журнал строго придерживался. Критерием отбора материалов для публикации служили интересы “заурядной семьи”, у которой нет средств для покупки большого количества книг и журналов. <…> Для такой аудитории “Нива” стремилась стать единственным журналом. Малоимущая семья “получает только ″Ниву″, читает

[47]*Махонина С. Я.* Указ. соч.

только ″Ниву″, но читает ее всю – и не только прочитывает, но можно сказать, изучает”. Эту задачу (заменить все остальные органы периодики) журнал старался выполнять постоянно, особую роль играли его разнохарактерные приложения.

За почти полвека редакторы часто менялись, имена их почти забыты: поэт и прозаик А. Луговой, писатель князь М. Н. Волконский, литературовед Р. И. Сементковский и др. Литературный отдел не блистал знаменитыми именами, хотя в нем появлялись произведения Н. С. Лескова, И. Потапенко, Д. В. Григоровича. Журнал специализировался на исторических романах с авантюрным сюжетом, авторами которых часто были князь М. Н. Волконский и граф Е. А. Салиас.

С марта по декабрь 1899 г. “Нива” печатала роман Л. Н. Толстого “Воскресение”. Некоторые современные исследователи относятся к этому факту с недоумением: почему свой последний роман, в котором он любил мысль о будущем России, великий русский писатель отдал в такой “несерьезный” журнал? Возможно, Л. Н. Толстого привлек именно тираж “Нивы”, дававший возможность прочитать роман сотням тысяч обыкновенных, но “серьезных, вдумчивых и неглупых” людей.

Очень интересен был отдел биографий и характеристик выдающихся лиц современности и исторических деятелей. Только за первые 30 лет существования “Нива” поместила на своих страницах 2131 биографию: [в частности,] очерки о В. Г. Белинском, Т. Н. Грановском, И. А. Крылове, Л. Н. Толстом, М. Ю. Лермонтове, А. С. Пушкине, У. Шекспире.

В географическом и этнографическом отделах публиковались иллюстрированные статьи по археологии, естествознанию, астрономии, медицине. Существовали также отделы “Технические изобретения и открытия”, “Политическое обозрение”, традиционная для русских журналов “Смесь”. Был в журнале и своеобразный раздел “К рисункам”, где комментировались помещенные в номере репродукции с картин русских и европейских художников или иллюстрации к художественным произведениям, рассказывалось о биографиях художников, истории создания картин, объяснялось их содержание. По-видимому, А. Ф. Маркс был большим любителем живописи, потому что материалы об изобразительном искусстве занимали большое место и в самом журнале, и в его приложениях. Качество репродукций было для того времени неплохим. Осваивал журнал и фотоиллюстрации: “Нива” одной из первых в русской журналистике начала печатать фоторепортажи с театра военных действий во время Русско-японской войны».

Т. А. Кузнецова, современный исследователь: Первый номер иллюстрированного журнала «Родина» вышел в свет в 1879 г. и, по замыслу редакции, должен был выходить каждый месяц. Но с 1883 г. издание становится еженедельным и продолжает выходить с такой периодичностью вплоть до 1917 г. Отметим, что до 1886 г. издание не было популярным среди читателей. Ситуация кардинально изменилась, когда журнал приобрел издатель и книготорговец А. А. Каспари. Он за пять лет увеличил число подписчиков с 200 человек до 40 тыс., а в начале XX в. тираж достиг 120 тыс. экземпляров. Журнал «Родина» был одним из самых доступных иллюстрированных еженедельников для читательской аудитории пореформенной эпохи: цена годовой подписки составляла 4 р. в столице империи и 6 р. с пересылкой «по всем местам России». Стоимость других изданий была выше. Например, годовая подписка с пересылкой «Всемирной иллюстрации» составляла 12 р., «Живописного обозрения» – 8, «Нивы» – 6 р. Среди

подписчиков журнала преобладали мелкие провинциальные чиновники, священники, военные в невысоких чинах, встречались также учителя и крестьяне.
Структура семейного еженедельника была традиционной для иллюстрированного журнала и включала в себя беллетристику (романы, повести, рассказы, очерки и стихи), материалы познавательного характера (исторические, географические) и обзоры современных событий, занимающие незначительное место в издании.

Сатирическая журналистика начала XX в.

А. Т. Аверченко, редактор журналов «Сатирикон», «Новый сатирикон»[48]*:* «Как будто кроваво-красная ракета взвилась в 1905 г. Взвилась, лопнула и рассыпалась сотнями кроваво-красных сатирических журналов, таких неожиданных, пугавших своей необычностью и жуткой смелостью. Все ходили, задрав восхищенно головы и подмигивая друг другу на эту яркую ракету. – Вот она где, свобода-то!.. А когда наступило туманное скверное утро – на том месте, где взвилась ракета, нашли только полуобгорелую бумажную трубку, привязанную к палке – яркому символу всякого русского шага – вперед ли, назад ли...

Последние искорки ракеты гасли постепенно еще в 1906 г., а 1907 г. был уже годом полной тьмы, мрака и уныния.

С горизонта, представляемого кожаной сумкой газетчика, исчезли такие пышные, бодрящие названия, как “Пулемет”, “Заря”, “Жупел”, “Зритель”, “Зарево”, и по-прежнему заняли почетное место загнанные до того в угол – тихие, мирные “Биржевые ведомости” и “Слово”.

В этот период все, успевшие уже привыкнуть к смеху, иронии и язвительной дерзости “красных” по цвету и содержанию сатирических журналов, снова остались при четырех прежних стариках, которым всем в сложности было лет полтораста: при “Стрекозе”, “Будильнике”, “Шуте” и “Осколках”».

Б. И. Есин, современный исследователь[49]*:* «Эпоха 1905 г. ознаменовалась еще одним заметным явлением в области печатного слова – появилось множество сатирических иллюстрированных изданий разной периодичности: “Пулемет”, “Жало”, “Топор”, “Зритель”, “Жупел”, “Бич” и др. Общее число подобных изданий исчислялось сотнями. Эти журналы издавались в обеих столицах, городах Одессе, Тифлисе, Харькове, Киеве, Ярославле, Саратове и многих других. Все они были ультрарадикальными, но с разной политической платформой: от революционных, социалистических до умеренно конституционных и реакционных, погромных. Многие были недолговечны. Главная мишень большинства подобных изданий – самодержавие, Манифест 17 октября, царь Николай II, министры Витте, Дурново. Цветные рисунки и карикатуры дополняли стихи и прозу, широко практиковался жанр пародии. Объем журналов колебался от 4–8 и более

---

[48]*Аверченко А. Т.* Собрание сочинений: В 6 т. [Электронный ресурс]. Т. 1. М., 2006 / А. Т. Аверченко // Lib.ru: «Классика». Режим доступа: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/text_1913_my_za_pyat_let.shtml.

[49]*Есин Б. И.* История русской журналистики (1703-1917): учебно-методический комплекс. М.: Флинта, 2018. 465 с. Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57949.

полос. Наряду с такими фельетонистами, поэтами, как О. Дымов, Н. Тэффи, В. Потёмкин, в ряде журналов печатались А. Куприн, М. Горький, И. Бунин, К. Чуковский, В. Князев. Блестящим продолжателем этих изданий станет журнал А. Т. Аверченко “Сатирикон”(1910)».

С. Я. Махонина, современный исследователь[50]: «Первая русская революция вызвала огромный количественный рост еще одного типа еженедельника, существовавшего и прежде, но в 1905–1907 гг. буквально заполонившего прессу. Это сатирическая журналистика. Обличительная стихия, многократно увеличившаяся в революционные дни, не могла обойтись без традиционного для русской литературы оружия – смеха. Сатирические песенки, стихи, карикатуры стали непременным атрибутом русских сатирических журналов этого времени.

Около четырех сотен тонких, разрисованных злыми и смешными карикатурами журналов и журнальчиков выплеснулись на улицы больших русских городов. “Пулемет” Н. Г. Шебуева, “Сигнал” К. И. Чуковского, “Жупел” З. Гржебина, “Маски” С. Чехонина и многие другие оказывались в центре политических скандалов, слухов и разговоров, вызванных острой карикатурой, фельетоном или броским названием. <…>

Всю Россию обошел первый номер журнала Н. Шебуева “Пулемет”, вышедший 13 ноября 1905 г. На последней странице обложки был изображен кровавый отпечаток ладони на тексте Манифеста 17 октября. Подпись под рисунком гласила: “К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил”. Трепов заслужил особую славу своими действиями по усмирению Петербурга.

Н. Г. Шебуев – потомственный дворянин, журналист. Сотрудничал в целом ряде газет и журналов, в том числе в “Русском слове” и юмористическом журнале “Будильник”. В 1905 г. работал в газете А. А. Суворина-сына “Русь”, прославившейся своими обличительными материалами.

“Пулемет”, просуществовавший около двух месяцев, делали два человека: текст и темы для рисунков давал Шебуев, а рисунки выполнял И. М. Грабовский, который имел опыт газетной оформительской работы. Вот что рассказала Т. С. Родионова в статье о “Пулемете”, опубликованной в 1985 г.: “13 ноября в день выхода первого номера за вечерним чаем великий князь Кирилл подал царю журнал. Обложка нового журнала заставила царя поморщиться. Но вот открыта первая страница, вторая… Дойдя до ″Марсельезы″<…>, царь вспыхнул, схватил карандаш и стал отчеркивать самые ненавистные места... Позже этот номер, сильно помятый (по-видимому, царь скомкал его и швырнул на пол), был представлен на следствии. Царский гнев оставил красноречивые следы”. За издание “Пулемета” Н. Шебуев был заключен в крепость.

В сатирических журналах “Жало”, “Жупел” участвовали известные писатели – А. М. Горький, И. А. Бунин, А. И. Куприн, К. Д. Бальмонт и др. Оформляли их художники из группы “Мир искусства” – Е. Лансере, В. Перов, И. Билибин.

В сатирических журналах 1905–1907 гг. на первый план выходила карикатура, рисунок. Очень часто живописная часть формировала журнал, текст только дополнял рисунки. Поэтому участие хороших художников создавало успех журналу.<…>

С именем А. Аверченко связана история двух сатирических журналов, существовавших достаточно долго и сыгравших особую роль в русской жизни, – “Сатирикона” и “Нового сатирикона”.

---

[50] *Махонина С. Я.* Указ. соч.

Планы создания сатирического журнала после подавления революции возникли в редакции известного петербургского юмористического журнала “Стрекоза”, который в это время не пользовался популярностью. Издатель журнала М. Г. Корнфельд, после смерти отца получивший журнал в наследство, молодые художники Ре-Ми (Н. В. Ремизов-Васильев), А. А. Радаков и только что приехавший из Харькова А. Аверченко решили превратить юмористический журнал в сатирический. Журналу дали название “Сатирикон”, заимствованное из древнеримской литературы. Роман Гая Петрония “Сатирикон” высмеивал эпоху Нерона, в нем переплетались жизненные реалии с гротескными образами.

Новый журнал вышел 3 апреля 1908 г. в самый мрачный период реакции. Учитывая характер времени, он, по замыслу редакции, “должен был соединять олимпийское спокойствие, жизнестойкость, ясность и здравый смысл с критическим изображением современных событий и общественных нравов”.

Кроме Аверченко, в журнале активно работали поэты-“сатириконцы”, самым известным из которых стал Саша Чёрный, печатались Н. А. Тэффи, П. П. Потёмкин, иногда Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, А. Н. Толстой. Особо прославили журнал его художники: кроме постоянных карикатуристов Н. В. Ремизова, А. А. Радакова, А. Яковлева и А. Юнгера, в оформлении принимали участие А. Бенуа, Б. Кустодиев, К. Коровин, М. Добужинский, Л. Бакст.

Издание приобрело такое влияние, которого даже не ожидали его создатели и участники. Материалы журнала цитировали с трибуны Государственной думы, читатели горячо обсуждали напечатанное. “Сатирикон” стал значительным явлением в истории не только русской журналистики, но и общественно-политической и культурной жизни страны.

Журнал часто использовал своеобразный прием – выпускал тематические номера, которые сам озаглавливал. Так, после убийства П. А. Столыпина, к деятельности которого журнал относился резко отрицательно, был выпущен “провокаторский” номер. Еще были “военный”, “еврейский”, “полицейский”, “экзаменационный” номера.

Роли текста и рисунка в номере были многообразны. Иногда текст и рисунок тесно увязывались между собой, в других случаях рисунок дополнял текст, часто изобразительный материал существовал самостоятельно, занимая целые страницы. Использовался прием рассказа в рисунках, где подписи поясняли карикатуры. При всей осторожности и умеренности журнал умел придать политическую окрашенность самым нейтральным материалам. Например, в “экзаменационном” номере (№ 20 за 1910 г.) обыгрывались темы студенческих экзаменов, шпаргалок, зубрежки и прочее. Маленький, занимающий четверть страницы текст “Экзамен на фельетониста” подписан литерой “Ф”. Он явно принадлежит Аверченко, который использовал массу псевдонимов. На вопрос экзаменатора будущий фельетонист должен ответить, перечислив ассоциации, вызванные вопросом.

“Теперь внутренняя политика… Кто Пуришкевич?

– Балаганный шут, фигляр...

– Марков?

– Который темные деньги... курский зубр... реакционные вожделения”.

В двух-трех словах даны характеристики самых реакционных деятелей IV Думы. Как и все еженедельники, “Сатирикон” давал приложения – сборники юмористических рассказов самого А. Аверченко и других русских и зарубежных писателей-юмористов.

К 1911 г. политическая острота журнала ослабела, он потерял свою радикальность. Общественный подъем ставил перед редакцией новые задачи. По мнению Аверченко, “Сатирикон” должен был угодить той части общества, которая чувствовала необходимость стряхнуть с души давящий кошмар столыпинщины, свободно вздохнуть, весело засмеяться. Журнал предлагал смех как спасительное средство от тоски и уныния.
С этим мнением Аверченко были согласны не все авторы “Сатирикона” и члены редакции. В 1911 г. ушел один из самых заметных авторов “Сатирикона” – Саша Чёрный, заявив, что не разделяет его направления.

В 1913 г. внутри редакции произошел раскол: вместе с Аверченко и Радаковым журнал покинули Ремизов, Потёмкин и Тэффи. На кооперативных началах они начали издавать “Новый Сатирикон”, постоянно подчеркивая, что по сути он является старым “Сатириконом”. В новом журнале были сохранены самые острые отделы прежнего: “Волчьи ягоды” – сатира на злобу дня, “Перья из хвоста” – полемика с инакомыслящими – и “Почтовый ящик”. Наряду с редакционным ядром старого журнала появились новые авторы: А. Бухов, А. Грин, С. Маршак, В. Маяковский. Фигура последнего, печатавшего в журнале свои “Сатирические гимны”, надолго заслонила всех остальных авторов журнала. “Новый Сатирикон” [позже] вспоминали только в связи с участием там Маяковского. Но журнал интересен и сам по себе, хотя, вероятно, более спорен, чем его предшественник. Его отношение к Первой мировой войне и особенно к Октябрьской революции не вписывалось, по советским стандартам, в приемлемые рамки прогрессивного направления. Февральскую революцию сатириконцы приняли, но быстро почувствовали слабость и нерешительность Временного правительства и начали пропагандировать идеи сильного государства и порядка. <…>

Октябрьскую революцию Аверченко и другие сотрудники восприняли как торжество анархии и насилия и начали борьбу с новыми порядками. Они выпускали специальные номера: “траурный”, “исторический”, “пролеткультовский”, “марксистский” и специальное приложение “Эшафот” под редакцией П. Пильского. Летом 1918 г. журнал был закрыт».

«Качественные» газеты России

С. Я. Махонина, современный российский историк[51]*:* «В понимании деятелей русской журналистики качественная, или “большая” газета – это политический орган со строго выдержанным направлением, рассчитанный на своего читателя-единомышленника, образованного, понимающего стилистически сложные публикации, в которых обсуждаются серьезные общественные, политические, научные и другие проблемы. В подзаголовках таких газет указывалось: “Большая ежедневная газета политики, экономики и литературы”. Порядок последних трех слов мог меняться в зависимости от характера газеты, добавлялись другие, например, “история”, но суть оставалась прежней. Эти издания, как правило, были более консервативны в своих формах, в верстке, менее подвержены изменениям, связанным не только с развитием вкусов читателей, но и с новыми техническими возможностями.

В России во второй половине XIX – начале XX в. практически чистым типом подобного издания, моделью для других газет считались “Русские ведомости”.

---

[51]*Махонина С. Я.*Указ. соч.

Газета впервые вышла в Москве 3 сентября 1863 г., ее издателем был достаточно известный писатель Н. Ф. Павлов. Редакция, типография и квартира издателя находились в одном доме. Газета печаталась маленьким форматом, выходила три раза в неделю на восьми страницах и была рассчитана на провинциального читателя. Но намерения издателя не совпали с потребностями общества. В Москве в это время царила газета М. Н. Каткова “Московские ведомости”. У московских кругов, оппозиционных официозному органу, своей газеты не было, поэтому “Русские ведомости” очень быстро были использованы противниками “Московских ведомостей” для пропаганды своих взглядов и превратились в центр, вокруг которого группировались представители передовой московской интеллигенции.

Полемика с Катковым началась в 1864 г. с публикации письма девяти депутатов Московской думы, и это определило направление газеты. Н. Ф. Павлов умер через семь месяцев после начала издания. В “Русские ведомости” пришли молодые ученые Московского университета. Сменивший умершего издателя М. С. Скворцов пригласил А. С. Постникова, Н. А. Саблина, В. Ю. Скалона, В. М. Соболевского, А. И. Чупрова, Н. И. Янжула и др. Они придали газете серьезный академический тон и просветительское направление. В читательских кругах “Русские ведомости” так и называли – “профессорская” газета».

В. А. Гиляровский, журналист, писатель конца XIX – начала XX в.[52]*:* «Ни одна газета не вынесла столько кар и преследований со стороны цензуры, сколько вынесли “Русские ведомости”. Они начались с 1870 г. воспрещением розничной продажи, что повторилось в 1871 и 1873 гг., за что — указаний не было: просто взяли и закрыли розничную продажу.

В 1873 г. 4 декабря предостережение “Русские ведомости” получили за то, что они “заключают в себе крайне, в циничной форме, враждебное сопоставление различных классов населения и, в частности, оскорбительное отношение к дворянскому сословию”. И ежегодно шли кары, иногда по нескольку раз в год.

Это продолжалось до конца прошлого [XIX-го] столетия. 1901 г. открылся приостановкой газеты за нарушение циркуляра, запрещавшего печатать отчеты о процессах против чинов полиции, а “Русские ведомости” напечатали отчет о случившемся в судебной палате в Тамбове деле о полицейском приставе, обвинявшемся в насильственном освидетельствовании сельской учительницы.

В 1905 г. было приостановлено издание с 22 декабря по 1 января 1906 г. за то, что “редакция газеты ″Русские ведомости″ во время мятежного движения, еще не кончившегося в Москве и в других городах, явно поддерживала его, собирала открыто значительные пожертвования в пользу разных забастовочных комитетов, политических ссыльных, борцов за свободу и пр.” Дальше шли конфискации номеров, штрафы по нескольку раз в год по разным поводам; штрафы сменялись конфискациями и привлечениями к суду. Таковых наказаний в один только 1912 г. редакцию постигло двенадцать раз, а за 1912–1913 гг. наказаний было тридцать».

Б. И. Есин, современный исследователь[53]*:* «Среди умеренно-либеральных газет становится все авторитетнее московская газета “Русские ведомости”.Защита интересов крестьян, а затем и рабочих, не выходящая, однако, за рамки государственного

---

[52]*Гиляровский В. А.* «Русские ведомости» [Электронный ресурс] // Собр. соч.: в 4 т. М., 1999. Т. 3 / Вологодская областная универсальная научная библиотека. Режим доступа:http://www.booksite.ru/fulltext/gui/lya/rov/sky/3/2.htm

[53]*Есин Б. И.* Указ. соч.

законодательства, устойчивые конституционные стремления, хорошая беллетристика создавали ей популярность среди русской интеллигенции (врачи, учителя, земские деятели), помогали постепенно формулировать принципы будущей кадетской партии.

В 1880-е гг. в газете сотрудничают: Г. Успенский, Михайловский, Короленко, революционный эмигрант П. Лавров, крупнейший русский ученый-демократ К. А. Тимирязев, академик Д. Н. Анучин, прогрессивный музыкальный критик Г. А. Ларош, репортер В. А. Гиляровский и др. Издавалась газета до 1918 г.».

Информационные газеты «Новое время» и «Русское слово»

С. Я. Махонина, современный российский историк[54]*:* «В первом номере “Новое время” заявило о своем направлении. “Мы с направлением откровенным... Такое мы сочинили в отличие от радикального, либерального и консервативного”. Понятие “откровенное” направление вызвало непонимание современников, насмешки противников, но сам А. С. Суворин считал необходимым в первую очередь отказаться от привычной для русской прессы тенденциозной оценки событий в публикуемых материалах. Газета не призывала: “Встань, русский народ!”, она предлагала читателю: “Рассудите сами”.

Основной принцип своей газеты А. С. Суворин объяснял в письме к постоянному сотруднику “Нового времени” В. В. Розанову: “Надо больше давать свободы личному мнению и не навязывать своего взгляда. Это большой недостаток в газетном деле. Газета не есть собрание истин, а собрание мнений. Меня упрекали в том, что я будто бы флюгер. Я вовсе не флюгер. Но будучи человеком, не получившим серьезного и солидного образования, вынужденный постоянно учиться, постоянно читать и на лету схватывать знания, я давал свободу мнениям и заботился главным образом о литературной форме. В этом отношении я много работал над чужими статьями. Я любил говорить с сотрудниками по целым часам и не только об их статьях, сколько по поводу их. Часто мнения, которым я давал место, мне совсем не правились, но мне нравилась форма, остроумная, живая струя”. Свою газету редактор-издатель называл “парламент мнений”. Это раздражало многих деятелей русской прессы, привыкших, что газета или журнал являлись проповедниками одного мнения, одной системы идей и гордившихся этим.

Таким образом, редактор-издатель “Нового времени” нарушил традиционную для XIX в. идеологическую целостность периодического издания. А. С. Суворин одним из первых понял, что газета формирует не только общественное сознание, но и общественное мнение. Критерий отбора материала – не идеологическое и стилевое единство всех публикаций, а живая, остроумная форма. Видимо, в этом и заключались причины успеха “Нового времени”, вот почему все читали интересную, остроумную, живую и бойкую газету. Исследуя комплекты газеты, надо обращать внимание не только на содержание публикуемых статей, не только на те взгляды, которые в них изложены, но и на форму изложения, на литературные приемы, “живую струю”, которая привлекла редактора и сделала возможным появление материала на газетной полосе.

---

[54]*Махонина С. Я.* Указ. соч.

“Новое время” стало не только самой интересной информационно насыщенной газетой рубежа XIX и XX вв., но очень долго, вплоть до революции 1905 г., оно было и одним из самых влиятельных органов периодики. Вот что рассказывал В. В. Розанов: в другой газете “вы написали фельетон, два, три, – вы подняли целую ″кампанию″... Ничего. В ″Новом времени″ если появится заметка в 5–6–10 строк, отовсюду начинается движение, шлют деньги, вещи, спрашивают, пишут письма”.

С газетой Суворина старались не портить отношения крупные чиновники и министры. Сохранились, например, письма С. Ю. Витте редактору-издателю газеты. Прозорливый политик Витте учитывал роль “Нового времени” и влияние прессы на общество. Именно поэтому оппозиционно настроенные современники называли газету “министерской”, рупором правительства, неофициальным официозом. В “Дневнике” А. С. Суворин записал интересный разговор с одним из крупных сановников С. С. Татищевым: “Я сказал... что цензура будет преследовать всех тех, которые говорят о современных вопросах жизни с достаточной свободой, и будет оставлять в покое все то, что будут писать радикалы и социалисты. ″Да, это естественно, – сказал Татищев. – Когда вы пишете о министрах, то как бы становитесь выше их. Государь может сказать: “Однако, какая-то газета говорит умнее, чем министр”. Понятно, что этого они не выносят, и потому закрывают глаза на все радикальное, которое их не трогает″”. По свидетельству Витте, Николаю II давали целиком “Санкт-Петербургские ведомости” и “Новое время”, из остальных газет делались вырезки.

Несмотря на таких высокопоставленных читателей, как царь, министры и сановники, современники называли “Новое время” обывательской газетой. А. Петрищев в статье, опубликованной в “Русском богатстве” в 1912 г., отмечал, что “Новое время” “рассчитано на успех в иной, не писательской, не интеллигентской среде”. И дальше: “Пестрая масса читателей – сила нешуточная”.

Вот как определяет аудиторию “Нового времени” автор вышедшей в 1999 г. книги “Вокруг А. С. Суворина” Л. П. Макашина. Редактор-издатель рассчитывал на обывательскую среду, “обывательскую значит массовую... для тысяч грамотных людей, отстраненных от активной политической или общественной жизни страны, живущих своими частными заботами, но не лишенных интересов, любопытства к жизни сфер”. Аудитория “Нового времени” не была массовой в современном понимании (газета была слишком дорогой для массового читателя), но она была внесоциальной, и это главное достижение А. С. Суворина».

Массовые и бульварные газеты
«Московский листок», «Петербургский листок», «Россия», «Газеты-копейки»

В. А. Гиляровский, журналист, писатель конца XIX – начала XX в. о газете «Россия»[55]*:* «Совершенно неожиданно засверкала на газетном небосклоне эта беззаконная комета среди бесчисленных светил. О самом появлении ее чуть не до самого дня выпуска и слышно ничего не было, и вдруг – огромная, интересная газета, подписанная

[55]*Гиляровский В. А.* «Россия» [Электронный ресурс] // Собр. соч.: в 4 т. М., 1999. Т. 3. / Вологодская областная универсальная научная библиотека. Режим доступа:http://www.booksite.ru/fulltext/gui/lya/rov/sky/3/21.htm (дата обращения: 07.09.2012).

“Г. П. Сазонов – редактор-издатель”. В газетном мире лицо совершенно неизвестное. Знали, что это ученый-экономист, человек, живущий своим трудом.

Но знали также, что фактический редактор и заведующий всем делом – А. В. Амфитеатров, и что на издание имеются огромные средства.

У Амфитеатрова никогда не было никаких средств. Был случай, что он вздумал держать театр, на который ухлопал несколько тысяч, и задолжал на много лет. <…>

Откуда деньги у газеты, я узнал случайно уже много после, когда в редакции Дорошевич познакомил меня с красивым, изящным брюнетом, одетым по последней моде.

– Матвей Осипович Альберт, наш издатель.

– Да мы уже давно знакомы, еще с выставки, да и по Москве.

М. О. Альберт – я его знал в 1897 г. директором Московского отделения немецкого Общества электрического освещения, где были пайщиками и крупные капиталисты, коренные москвичи. До выставки, говорят, он был служащим в одном из предприятий Мамонтовых, потом как-то сразу выдвинулся и в Петербурге уже очутился во главе Общества Невского судостроительного завода, где пайщиками были тоже главным образом немцы. Этот самый Альберт, ничего общего не имевший до того с печатным делом и мало кому ведомый, выбросил на газету целый капитал.

И вот огромная, интересная газета вышла 28 апреля 1899 г., когда кипела подготовка к Пушкинским торжествам в Москве, где уже с 26 апреля начались в Малом театре пушкинские спектакли и заседания в ученых обществах.

Газету выпустили в день десятилетия смерти Щедрина, и в ней огромный, в полстраницы портрет его с автографом, стихотворением Елены Буланиной и избранных, не без риска получить для первого номера цензурную кару, две полосы незабвенных строк автора из его “забытых слов”. А дальше блестящая информация, повесть Авсеенка и ряд интересных статей.

Так и пошел номер за номером... В объявлении стояли имена заведующих отделами: финансовым, экономическим, земским и крестьянским – Г. П. Сазонов, литературным и политическим – А. В. Амфитеатров, научным – профессор П. И. Ковалевский и д-р И. Л. Янушкевич, музыкальным – И. Ф. Соловьёв и Я. А. Рубинштейн, иностранным – Л. Ю. Гольштейн, театральным – Ю. Д. Беляев, московским – В. А. Гиляровский, провинциальным – фельетонист В. М. Дорошевич и общественным – А. В. Амфитеатров».

В. А. Гиляровский, журналист, писатель конца XIX – начала XX в.[56]*:* «”Московский листок” – создание Н. И. Пастухова, который говорил о себе: – Я сам себе предок!

Это – яркая, можно сказать, во многом неповторимая фигура своего времени: безграмотный редактор на фоне безграмотных читателей, понявших и полюбивших этого человека, умевшего говорить на их языке. Безграмотный редактор приучил читать безграмотную свою газету охотнорядца, лавочника, извозчика, трактирного завсегдатая и обывателя, мужика из глухих деревень.

Мало того, что Н. И. Пастухов приучал читать газету, – он и бумагу для “Листка” специальную заказывал, чтобы она годилась на курево. Из-за одного этого он конкурировал с газетами, печатавшимися, может быть, на лучшей, но негодной для курева бумаге, даже это было учтено им!

Интересовался Н. И. Пастухов для своего “Листка” главным образом Москвой и Московской губернией.

– С меня Москвы хватит, – говорил он. Интересовался также городами, граничащими с ней, особенно фабричными районами. Когда он ездил на любимую им

---

[56]*Гиляровский В. А.* «Московский листок» [Электронный ресурс] // Собр. соч.: в 4 т. М., 1999. Т. 3. / Вологодская областная универсальная научная библиотека. Режим доступа:http://www.booksite.ru/fulltext/gui/lya/rov/sky/3/8.htm

рыбную ловлю, то в деревнях и селах дружил с жителями, каким-то чутьем угадывая способных, и делал их своими корреспондентами.

– Да я малограмотный!

– На что мне твоя грамотность. У меня на то корректора есть. Ольга Михайловна все поправит! Ты только пиши правду, соврешь – беда будет!

И давал в кратких словах наставление, что и как писать.

– Вот ежели убийство или что другое такое крупное, сам в Москву приезжай, разузнавши все обстоятельно, что говорят и что как, а на дорогу и за хлопоты я тебе заплачу!

И получались от новых корреспондентов очень интересные вещи, и почти ни один никогда не соврал. Н. И. Пастухов действительно не жалел денег на такие сообщения и получал сведения вне конкуренции.

Для распространения подписки в ближайших городах он посылал своих корреспондентов.

– Разнюхай там, о чем молчат!».

Из подписного листа «Московского листка» за 1898 г.[57]*:* «Газета “Московский листок” ставит своей задачей быть живым разнообразным органом и служить читателям вестником событий как московских, так и общерусской и заграничной жизни. <...> Газета имеет своих корреспондентов в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Будапеште и других выдающихся городах Европы. К участию в газете привлечены наиболее популярные и известные сотрудники столичных повременных изданий».

«Московский листок» в 1906 г.[58]*:* «Все наши симпатии будут на стороне тех, кто пойдет закономерным путем эволюции, путем мирных реформ. <...> Ни к одной из... партий мы принадлежать не будем».

Д. И. Гразкин, революционер, редактор большевистской военной газеты «Окопная правда»[59]*:* «… в пекарнях – не все, конечно, но многие – уже пристрастились к газетам. Но какие газеты обычно покупали? “Петербургский листок” и “Петербургскую газету”, которые почти все называли “Петербургский враль” и “Петербургская сплетница”».

А. И. Рейтблат, современный исследователь[60]*:* «“Петербургский листок” возник еще в 1864 г. Первое время шли поиски жанровых форм, но к концу 1860-х гг. тип газеты уже сложился. Помимо новостей, в которых преобладала скандальная и уголовная хроника, большое место в ней занимали фельетон, публикации переводных (преимущественно французских) авантюрно-приключенческих и детективных романов, легкая юмористика (стихи, сценки, шутки) в разделе “Из альбома свистунов”, сенсационные романы о петербургской жизни Н. Н. Животова, А. И. Деянова, А. В. Эвальда, С. Ф. Рыскина и других авторов (исторические романы, здесь, как правило, не печатались).

Один из основных авторов “Петербургского листка” *Николай Николаевич Животов* (1858–1900) принадлежал к числу наиболее умелых и оперативных репортеров столицы. Нанимаясь на различные работы и переодеваясь в соответствующую одежду, он смог “изнутри” изучить и описать в прославившем его цикле очерков “Петербургские

---

[57] Цит. по: *Богданов В.* «Московский листок» [Электронный ресурс] // Библиофонд: библиотека научной и студенческой информации. Режим доступа: http://bibliofond.ru/view.aspx?id=62507

[58] Сегодня 25 лет «Московскому листку» // Московский листок. 1906. № 198. С. 2.

[59] *Гразкин Д. И.* За темной ночью день вставал…: воспоминания старого большевика. М., 1975. С. 74.

[60] *Рейтблат А. И.* Указ. соч. С. 121–122.

профили” (Вып. 1–4. СПб., 1894–1895) жизнь и быт извозчиков, официантов, похоронных служителей, босяков. В 1890-е гг. наряду с корреспонденциями и очерками он стал печатать в газетах романы, основывающиеся, как правило, на фактах, почерпнутых из уголовной и скандальной хроники (в том числе в “Петербургском листке”: “Макарка-душегуб” – 1894 г., “Цыган Яшка” – 1896 г., “Подпольный Петербург” – 1901 г., и др.). Лишенные литературных претензий, репортажные по языку, они привлекали низовых городских читателей обращением к “острым” темам, напряженным сюжетам и были широко популярны в этой среде. Интенсивная работа в периодике была причиной ранней смерти Животова.

Недолго прожил и его коллега по газете *Александр Иванович Деянов* (1862–1903). Окончив Николаевское кавалерийское училище, он служил в Забайкальском казачьем войске, в 1888 г. вышел в отставку и стал литератором (печатался в “Санкт-Петербургских ведомостях”, “Гражданине”, “Сыне отечества” и др.). С 1896 г. Деянов вошел в число постоянных сотрудников “Петербургского листка”. У читателей газеты он был очень популярен. В “Петербургском листке” для Деянова была характерна “многоликость”, выражавшаяся в дроблении своей творческой личности на большое число “масок”: под псевдонимом Меланхолик он писал ежедневные фельетоны на злобу дня; под псевдонимом Капитан Буянов – воскресные фельетоны, в которых события были восприняты с точки зрения хвастливого солдафона; под псевдонимами А. Д. Янов и С. Нарский – не лишенные иронии “уголовные” романы(“Веселый омут” – 1892 г., “Из-за денег” – 1898 г., “Под гнетом раскола” – 1900 г., “На каторгу” – 1902 г., и др.); под криптонимом А. Д-в – театральные рецензии. Талантливый литератор (ему принадлежит ряд опубликованных под своей фамилией рассказов, отмеченных “сверкающей радостью жизни и грациозной легкостью”), он не выдержал напряжения газетной работы и рано умер».

А. И. Рейтблат, современный исследователь[61]*:* «“Малая пресса” отличалась от “большой” тем, что была дешевле, причем как в прямом, так и в переносном смысле. Во-первых, годовая подписка на низовую газету в 1880 г. стоила 8–9 р., в то время как на газету для образованной публики – вдвое больше: 15–17 р. Дешевле стоил и труд сотрудника “малой прессы”: если в солидной газете платили за строчку 4–5 коп., то в низовой – 2–3. Но “дешевизна” характеризовала и содержание низовой газеты. Информацию, мысли, литературные образы, содержавшиеся в ней, принято было расценивать с точки зрения высокой культуры как упрощенные, примитивные, неглубокие, дешевые.

Во многом “малая пресса” шла за крупной, используя сложившиеся жанры и традиции подачи материала, однако все это модифицировалось применительно к уровню образования и структуре интересов низовых читателей. Так, поскольку у читателей из “высших” классов газеты не являлась единственным видом чтения, то беллетристика там либо совершенно отсутствовала (как в “Голосе”), либо являлась весьма редко (эпизодически в “Русских ведомостях”, раз в неделю в “Новом времени”) и была представлена произведениями малых прозаических жанров (рассказ, очерк). В низовой прессе художественная литература присутствовала практически в каждом номере и являлась одним из основных разделов газеты. Для читателей этих изданий она обычно являлась единственным доступным видом литературы, поскольку книги и журналы были

[61]*Рейтблат А. И.* Указ. соч. С. 115–116.

дороги, сравнительно высокой была плата за пользование библиотеками для чтения и публичными библиотеками, да и подходящих по уровню изложения книг не хватало. Характерно, что в солидной газетной прессе публиковались обзоры журналов и рецензии на книги (то есть предполагалось, что их читатели обращаются к этим видам изданий), в “малой” же прессе подобные рубрики отсутствовали. Зато здесь культивировались такие газетные жанры, как “роман с продолжением”, репортаж о пожаре, “сценка с натуры”, юмористические “мелочи” и т. п.

Весь материал в “малой прессе” подавался завлекательно и доступно, чтобы читатель начал читать, прочел, не отрываясь, и понял текст. В ряде отношений она занимала промежуточное место между устной словесностью и печатью в собственном смысле слова. Низовая газета выписывалась и хранилась в трактирах – местах скопления народа, разговоров и обмена слухами; нередко она читалась там (или в других местах, где собирался “народ”) вслух, сама газета “разносила” информацию скандального характера, нередко запечатлевая уже циркулирующие слухи. Следует отметить также ориентацию газетной беллетристики на речевые жанры (например, “сцены”, представляющие собой диалог) и на эстетику исторического фольклора (повести и романы о благородных разбойниках).

Неверным было бы полагать, что сотрудники “малой прессы” были “хуже”, чем в солидных газетах. Точнее будет сказать, что по своему образовательному и культурному уровню, интеллектуальному горизонту они были не подготовлены обслуживать потребности более культурных читателей. Но для своей публики они писали интересно, понятно и содержательно, в соответствии с ее вкусами и интересами. Круг сотрудников этих газет был довольно тесен, нередко они долгое время сотрудничали в одних и тех же изданиях (например, А. М. Пазухин 37 лет и И. И. Мясницкий 31 год в “Московском листке”), и если в силу тех или иных обстоятельств покидали одно издание, то переходили в другое, аналогичного типа (Н. Э. Гейнце, А. А. Соколов, А. И. Соколова и др.).

Читательскую аудиторию “малой прессы” составляли стоящие на самых низких ступенях социальной лестницы слои городского населения: мелкие купцы и чиновники, приказчики, прислуга, ремесленники, грамотные рабочие. <…>
Не только по цене, но и по характеру изложения, и по содержанию “малая пресса” больше соответствовала потребностям низовых читателей. Уровень образования их был невысок – в лучшем случае начальная школа, в худшем – умение читать по складам. Ранее они либо вообще не читали, довольствуясь слухами и городским фольклором, либо обращались к лубочной литературе».

Б. И. Есин, современный исследователь[62]*:* «Оказать влияние на массы, привлечь их на свою сторону старались не только партийные издания, но и массовые газеты бульварного типа, так называемые газеты-копейки. Первая подобная ежедневная “Газета-копейка”вышла в Петербурге в 1908 г. под редакцией М. Б. Городецкого и В. А. Анзимирова. Она издавалась двумя выпусками – утром и вечером, имела несколько приложений: “Журнал-копейка”, “Листок-копейка”, “Веселый балагур” и др. Один номер стоил 1 коп. (против цены 5 коп. других газет).

Городские новости, скандальные истории, авантюрная беллетристика, неглубокий комментарий событий политической жизни – таково ее содержание. Среди читателей

---

[62]*Есин Б. И.* Указ. соч.

газеты были городские мещане, мелкие служащие, чиновники, рабочие, хотя многие передовые рабочие понимали ее развлекательный, оглупляющий характер.

С 1909 г. подобная газета-копейка издавалась теми же издателями в Москве. Во многих других городах России были свои газеты-копейки (“Киевская копейка” и др.)».

Материалы Ридера подготовила д.и.н., профессор Н. Н. Родигина.

Методические материалы утверждены на совместном заседании кафедр массовых коммуникаций и теории и истории журналистики (протокол № 6 от 02.09.2020).